

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ*

ЛЕССИНГ, ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(Первоначально: «Современник» 1856, №№ 10—12 и 1857, №№ 1, 3, 4, 6.)

Рукопись-автограф на 125 листах размером в полулист. Сохранилась не полностью. Главы II и III совсем отсутствуют. В IV главе отсутствует начало, рукопись начинается со слов: «Одним из первых знакомых Лессинга» (стр. 101, 3 строка сверху). В той же главе сноски к стр. 119 отсутствуют в рукописи, но имеется ее черновой зачеркнутый текст, с которым нами и сверена выноска в «Современнике». В рукописи имеется пометка Некрасова: «Оригинал выноски остался у меня». К основному тексту приложено начало первой редакции главы VII, которую мы помещаем в приложениях.

Кроме рукописи, имеются корректуры IV и VII глав. IV глава представлена авторской корректурой на трех листах, без начала и конца (лл. 3, 4, 5), начиная со слов: «...шения. Следует рассказ, приведенный» (стр. 113, 30 строка), и кончая словами: «Даю покой рукам и ремеслу» (стр. 129, 4 строка). Корректурa помечена 31 декабря и 2 января. На полях л. 3-го пометки Чернышевского: 1) «Тут пропущены между 2-ю и 3-ю формами две гранки, — именно листы 8—11 оригинала. Н. Чернышевский». 2) «Вставив пропущенные, прошу прислать мне». 3) «Листы эти, вероятно, остались в типографии, — чтобы сверить, сколько пропущено, возвращаю те листы, которые были у меня». На полях л. 5-го пометка Чернышевского: «Здесь пропущено в корректуре две или три гранки — листы 18, 19, 20, 21, 22 оригинала, которые возвращаю в типографию — надобно прислать мне прочесть эти пропущенные гранки. Н. Чернышевский».

Корректурa VII главы представляет собою четыре листа гранок, помеченных 21 апреля, 7 мая и 11 мая. Корректурa авторская, со множеством вставок и поправок. Недостает конца.

Стр. 7, 13 строка. В рукописи: философии [Фихте, Шеллинга и Гегеля] — явлений,

Стр. 8, 15 строка снизу. В рукописи: Робертом Пилем

Для людей, знакомых с историей, такое понятие о значении немецкой литературы в последней половине прошедшего и начале нынешнего века вовсе не покажется новостью. А тех, которые, не зная предмета, готовы первому, у кого случится им прочитать незнакомую им мысль, приписывать открытие этой мысли, автор спешит предупредить, что они найдут изложенный выше взгляд и < у > Шлоссера, и у Гервинуса, и у Гиллебранда, и во

* Составлены Н. М. Чернышевской.

обще у каждого из современных немецких писателей, которому представлялся случай говорить об этом предмете.

В предотвращение всяких недоразумений, приводим для примера слова Гервинуса. В предисловии к своей «Истории немецкой поэзии» он объясняет, почему избрал предметом обработки именно историю поэзии, а не историю политической, или церковной, или научной, или какой-нибудь другой стороны жизни немецкого народа. Мой выбор остановился на истории поэзии (говорит он) и именно потому, что она преимущественно «способна возвысить в немецком народе уверенность в его силах и укрепить надежду на будущее»; история немецкой поэзии «наиболее соответствует потребностям настоящего»; если бы какая-нибудь другая сторона жизни немецкого народа имела больше исторического значения, нежели литература, то я выбрал бы предметом своего труда эту сторону, прибавляет он. Кажется, от этих слов довольно ясно, что история поэзии — важнейший элемент в истории немецкого народа до последнего времени, и поэзия была главною двигательницею немецкой жизни. В каком же периоде имела поэзия на немецкую жизнь такое могущественное влияние, которое дает ей право считаться важнейшею из сил, участвовавших в развитии немецкого народа? Ответом служит «Введение» к изложению того периода, с которого начинается деятельность Лессинга и его современников (изд. 1853 г., том IV, стр. 1—14). «Теперь (говорит Гервинус) мы достигли той эпохи, предисловием к которой был весь предыдущий рассказ». До того времени немецкая поэзия подчинялась чужим влияниям, тут делается она самостоятельною, достигает дивного развития, в свою очередь подчиняет своему влиянию все другие европейские литературы. Но замечательнейшею стороною немецкой поэзии в то время (от Лессинга до смерти Шиллера) было не столько художественное достоинство ее произведений (как ни высоко это достоинство), сколько чрезвычайно сильное влияние ее на жизнь.

«Наша поэзия в прошедшем столетии (говорит Гервинус) имела необычайное влияние на все отрасли жизни и науки. Лессинг преобразовал всю нашу умственную жизнь; Гете и Шиллер для общего развития национальной жизни имеют еще более важности, нежели для поэзии. Ни Лопе де Вега и Сервантес, ни Шекспир и Корнель не имели такого сильного влияния на стремления умов, как эти поэты. Такая поразительная особенность нашей литературы происходит от того, что у нас она наполняла всю жизнь народа. В одно время с Шекспиром Англия имела Елисавету и возрождающееся национальное могущество; Сервантес и Лопе писали в то время, когда Карл V и Филипп II держали в своих руках всесветное могущество; Расин и Корнель, когда Людовик XIV все помрачал своим блеском. Поэзия не могла сравняться тогда силою с великими событиями национальной жизни. У нас было не то. Во время Лессинга, Гете и Шиллера, мы, немцы, не имели (как не имеем теперь) ни политической истории, ни государственной жизни; мы имели только литературу, науку и искусство.

«Великие результаты создала наша литература, и создала их единственно собственными своими силами. В истории нет явления величественнее переворота, произведенного ею, этого переворота, которому исключительно обязаны мы нашей новой жизнью. Литературное движение поставило наш народ в ряду великих наций; литература не только создала у нас совершенно новое просвещение, но создала также и новый государственный порядок, новый образ всей нашей жизни» и т. д.

Мнение Гервинуса о состоянии Германии в первой половине XVIII века можно видеть хотя бы из следующих слов (предисловие к I тому, стр. 5):

«История нашей поэзии за последние сто лет вовсе не то, что наша политическая история, которую, право, можно было бы нам осмеять и выбросить из памяти, как совершенно пустую. Литература произвела в нашей жизни один из замечательнейших во всемирной истории переворотов, и очевиднейшим последствием этого переворота было избавление нас от гнуснейшего варварства (aus der hässlichsten Barbarei)».

Совершенно подобные мнения находим у Шлоссера и вообще, как мы уже сказали, у каждого современного немецкого историка.

После этого автор надеется, что понятия о немецкой литературе, немецкой политической истории и т. д., и т. д., которые излагаются в этих статьях, не будут почтены никем за личное открытие автора. Справедливы эти понятия, которые ему кажутся совершенно справедливыми, или нет, каждый может судить как угодно; но автор решительно должен сказать, что было бы несправедливо присваивать лично ему введение в науку излагаемых им воззрений. Эта слава принадлежит Шлоссеру, Гервинусу и другим немецким ученым, перечислять которых бесполезно, потому что каждый читатель, знакомый с предметом, хорошо знает их сочинения.

Иному читателю может показаться забавна заботливость автора о том, чтобы ему, автору, не вздумали присвоивать открытие тех выводов, которым каждого желающего научают Шлоссер, Гервинус и проч. (иначе сказать, чтобы не присвоивали ему великих открытий в науке, давших европейскую славу тем ученым, которыми они сделаны). Такая заботливость была бы действительно забавна, если бы однажды автор не был предметом подобного недоразумения, присвоившего ему ученые открытия, еще гораздо более значительные и славные. Это курьезное дело произошло следующим образом.

В прошедшем году автор напечатал брошюру об «Эстетических отношениях искусства к действительности». В этой книжке изложил он некоторые понятия, выработанные современною немецкою философиею. Кому из великих деятелей современной европейской науки принадлежит честь введения этих понятий в науку, автор брошюры указал со всею возможною для него ясностью. Что же вышло? — Ему, автору брошюры, добродушные люди приписали честь открытия этих великих истин, — открытие, составившее вековую эпоху в развитии всемирной науки, открытие, слава о котором уже много лет гремит по всей Европе и < которое > даже у нас возбуждало еще недавно сильные отголоски. Автору было бы очень приятно, если б это открытие действительно принадлежало ему: тогда он был бы равен Канту и Гегелю. Но, к величайшему своему прискорбию, автор, несмотря на многократные уверения почти всех наших журналов и газет и многих наших ученых, никак не может убедить себя, что это бессмертное открытие сделано именно им, автором: такие мечты неумолимо отвергаются книгою, которая должна быть хорошо знакома каждому, следящему за развитием науки, — книгою, из которой взяты все основные мысли, изложенные в его брошюре, — и книга эта, к величайшему прискорбию его, написана не им, не автором брошюры об «Эстетических отношениях искусства к действительности». Факт, что ему присвоили, будто изобретенную им новость, мысли, гром которых не могли заглушить в Европе даже страшные политические события последних лет, останется любопытным свидетельством степени знакомства многих нынешних наших литературных и ученых деятелей с современною европейскою наукою. Это случай, в своем роде курьезный не менее того, как если бы какому-нибудь из людей, пишущих у нас об астрономии, вздумали приписывать открытие коперниковой системы, которой он держится.

Такое колоссальное недоразумение извиняет заботливость, плодом которой является это примечание: автор считает нужным объяснить, что в настоящем случае, как и всегда, — он не более, как только комментирует идеи, хорошо известные каждому, кто знаком с современным состоянием науки, — и, очень хорошо зная, что между его читателями есть многие, которым происхождение этих идей известно не хуже, если не лучше нежели ему, не может иметь никаких претензий, кроме надежды, что эти люди назовут его добросовестным комментатором. А чтобы избавить от возможности впасть в прежнее недоразумение людей, которые, не имея случая предварительно изучить предмет, вздумали бы судить о том, приняты ли наукою или открытия самим автором понятия, о которых он держится в настоящих статьях, автор советует таким судьям постоянно справляться хотя с Шлоссером, Гервинусом и Гиллебрандом. Иначе, — чего доброго! — иной может

думать, что Шиллера не было на свете и что стихи, приведенные автором будто бы из немецкого поэта Шиллера, сочинены самим автором, — а такое предположение несообразно с истиною.

Стр. 10, 16 строка снизу. В рукописи: Лессингом. [Он для новой немецкой литературы то же, что Петр Великий для политической истории России, что Лютер для реформации]. В нем

Стр. 11, 5 строка снизу. В рукописи: государство [— и однакоже, этою борьбою замедлилось слияние Шотландии]. В той и другой

Стр. 13, 16 строка. В рукописи: те и другие готовы отдать Германию во власть Франции

Стр. 15, 8 строка. В рукописи: государственный [династический] дело шло

Стр. 15, 18 строка. В рукописи: короля [а сейм сначала позволил австрийским войскам идти чрез имперский округ Брейсгау, потом решил силою воспрепятствовать вербовке войск в пользу солдат для французской службы], что было запрещено

Стр. 15, 18 строка снизу. В рукописи: на Рейн [; он объявил в своих владениях набор по 100 человек с 1000 и грабил все соседние германские области] [родную землю]. Курфюрст Кельнский

Стр. 20, 13 строка. В рукописи: знамени. Унижение и бессилие было общим уделом. После блистательных побед

Стр. 20, 1 строка снизу. В рукописи: войною [изгнать Марию-Терезию из ее германских владений] отнять

Стр. 22, 1 строка. В рукописи: Фридрих II начал войну с Марию-Терезию. Это был случай, дотоле еще беспрецедентный. Прежде, иногда восставали против императора князья или области, но они сами себя считали инсургентами и извиняли себя только необходимостью защищаться от крайних притеснений; притом же, восстания эти происходили уже давно, в другие времена, и оправдывались общим обычаем средних веков, когда подданные постоянно прибегали к оружию для защиты своих прав. Фридрих II без всякой церемонии

Стр. 22, 1 строка. В рукописи: Фридрих II начал войну с [императрицею] Марию-Терезию [Это был еще первый случай] [он не изъявлял сомнений в правах ее на отцовский <престол>, признавал ее императрицею и однакоже силою хотел отнять у [верховного глав<вы>] [державы бывшей главою германского союза, одну из ее областей]. Это был случай

Стр. 25, 1 строка снизу. В рукописи: не успевали убежать. Пусть гордость военной славою — ложная гордость, но все-таки она возвышает дух народа, и если военная слава — предрассудок, то стыд бегства и трусости — не предрассудок. Гордый победитель может быть недостойн почтения или несчастлив, но трус и беглец не может быть ни счастлив, ни достоин уважения. И действительно, немцы не уважали себя и были несчастны. Как ни велики бедствия.

Стр. 26, 6 строка. В рукописи: в первой половине XVIII века. Счастливей других были те немецкие владения, где правил грубый капральский деспотизм. Stockherrschaft власть палки — палка все-таки поддерживала в этих государствах какой-нибудь порядок. Но только в немногих владениях подданные наслаждались этим счастьем — в большей части немецких государств владычествовало нечто худшее, нежели палка — владычествовало бессовестное и беспечное грабительство. После Тридцатилетней войны

Стр. 31, 3 строка. В рукописи: на каждой странице уголовных законов, которые и прежде были бесчеловечны. Нравы стали еще грубее

Стр. 33, 10 строка. В рукописи: был более привязан к блеску, к тому, что ослепляет, нежели к пользе, к тому, что прочно (solide). В войнах императора

Стр. 35, 24 строка снизу. В рукописи: произвола. [Он понимал, что богатство государства зависит от благосостояния жителей. Полиция] Сначала

Стр. 36, 11 строка. В рукописи: сословие, [надменно обращающееся со своими простолюдьями] [в котором соединялись под общим названием нечто похожее на старинную польскую шляхту, если к шляхте причислим и магнатов, ее однофамильцев и предводителей] присвоившее

Стр. 42, 19 строка. В рукописи: приличии.

[Можно восставать против церемоний и приличий, но для человека бездушного они служат последнею] [единственною уздою]

Можно легко

Стр. 43, 8 строка снизу. В рукописи: раненого.

[Ужаснее всего было, впрочем, не то, что подобный порядок существовал, а то, что он существовал, не возбуждая никакого]

Таков был

Стр. 45, 30 строка. В рукописи: силы, [которыми движется вперед общество] от которых

Стр. 68, 17 строка. Исправлена явная опечатка в тексте «Современника». Вместо «выше французов» — выше немцев.

Стр. 102, 15 строка снизу. В рукописи: как видно, по ответу Лессинга, — жаль, что это письмо затеряно, но ответ Лессинга, написанный по-французски, сохранился. [Вот он в переводе:] [Лессинг с презрением отвергает клевету, которую] [«Так вы, милостивый государь, считаете меня способным на подлость? Так вы третируете меня, будто вора, который скрылся от вас, с которым надобно хитрить»] [упустив его из рук?] [потому что он успел будто бы ускользнуть от вас?]

«Возвращаю книгу, о которой идет речь. Я не имел мысли оставить ее у себя. Вы приписываете мне намерения, которых я вовсе не имел. Вы воображаете, что я хотел переводить эту книгу, о которой Геннинг уже давно]

Лессинг понял,

Стр. 103, 3 строка снизу. В рукописи: старости. [Не бойтесь, читатель, он не подвергнется судьбе великого Корнеля*. А если б и так, что же из того? — «Амалия» превосходная трагедия]

Сюжет пьесы

Стр. 104, 1 строка снизу. В рукописи: самолюбие. [Впоследствии Лессинг, глубже постигнув тайну искусства, конечно]

Стр. 107, 9 строка снизу. В рукописи: рукопись. «[— Я согласен на ваше предложение, отвечал Лессинг Николаи: — буду в скором времени писать к г. Ланге, как вы желаете, и со всею деликатностью сообщу ему сотню его ученических промахов. Посмотрю, как он примет их — и потом поступлю сообразно с обстоятельствами». — Лессинг написал это Николаи. Таким образом] В своем ответе

Стр. 112, 6 строка снизу. В рукописи: разнообразие, [Правда и то, что подражать его примеру мог бы в этом не только человек с чрезвычайно сильным и последовательным умом, не говоря же о богатстве знания] так что

Стр. 114, 15 строка. В рукописи: принес вам пользу. [В этом деле можно видеть пользу, какую приносит репутации людей гласность. Не вздумай Ланге печатно высказать своего пошлого предположения, оно втихомолку распространялось бы от одного человека к другому, и большинство верило бы ему, и оно по преданию дошло бы до следующего поколения, которое уже не имело бы средств для восстановления фактов в их истинном виде].

[Повторительская известность несчастного Ланге была уничтожена этим грозным ответом]

Ланге пытался

Стр. 120, строка 21. В рукописи: при дурном обращении с ними со стороны христиан, которое должно наполнять их также враждою или по крайней мере холодностию к христианам. Это неправдоподобие

[* Известно, что трагедии, писанные Корнелем в преклонных летах, были слабее прежних его произведений].

Стр. 121, 15 строка снизу. В «Современнике»: евреем».

Затем следует письмо, написанное Мендельсоном, по поводу замечаний, сделанных «Геттингенскими Ведомостями» о характере евреев. Мендельсон горячо и умно защищает своих единоплеменников.

Стр. 122, 3 строка. В рукописи: любви [и братства ко всем народам] к другим племенам

Стр. 122, 16 строка. В рукописи: языке, [который впоследствии довел до редкого] [классического совершенства в своих творениях], литературу которого .

Стр. 124, 7 строка снизу. В рукописи такой же оборот фразы: Берлинская Академия — временем Вольтера, временем Попе (Эта фраза, заключающая очевидную опisku и не исправленная своевременно автором, не поддается редакторскому исправлению и потому печатается по подлиннику. — Ред.)

Стр. 126, 18 строка. В рукописи: вселенной [ни в истинах, добытых наукою] он не скептик, он положительно

Стр. 126, 6 строка снизу. В рукописи: талантливые люди [— у него есть своя школа, довольно блистательная]. Но подражание

Стр. 128, 13 строка. В рукописи: Рейхель. [Зульцер, известный эстетик старой школы, питавший вообще сочувствие к молодым талантливым людям и занимавший в берлинском обществе довольно почетное место, нашел было для Лессинга, которому иногда оказывал услуги в житейских делах, другое занятие] [другой случай — именно]

Когда расстроился

Стр. 129, 3 строка снизу. В рукописи: события последних годов, когда Германия с таким энтузиазмом устремилась было к единству и остановилась в своем стремлении, споткнувшись о партикуляризм. Когда пришлось осуществиться на деле идею общего германского государства, и факты показали, что сделаться гражданином Германии значит перестать быть саксонцем, брауншвейгцем, нассаусцем, большинство задумалось, — благоприятное время прошло между тем, и общее желание осталось неисполненным. Как ни силен

Стр. 130, 16 строка снизу. В рукописи: Лессинга *

Он приводил

Стр. 131, 13 строка. В рукописи: Лессинга [который раза два или три даже] [Но более,] [но, кроме того, не принимал никакого участия в редакционных трудах и сам поместил в журнале только две или три не очень значительные статьи], который

Стр. 134, 23 строка. В рукописи: полемики, — [когда, как у нас в эпоху Карамзина и Шишкова, почти вся литература состояла из стихов и полемическ] когда литературные

Стр. 135, 11 строка. В рукописи: хвалил Бодмера, — [ну, тогда он был бы моим завистником, был бы обруган мною,] тогда

Стр. 135, 15 строка снизу. В «Современнике»: за собою большинство, они могут

Стр. 135, 6 строка снизу. В «Современнике»: эпохи в литературе когда

Стр. 138, 11 строка снизу. В рукописи: с немцами. [Француз, например, с вкстазом доказав, что днем светит солнце, выведет из этого, что днем спать

[* Перед выступлением в последний поход Клейст оставил в руках Глейма, своего ближайшего приятеля, 1200 талеров, сбереженные им из жалованья, просил часть этих денег — 100 талеров (90 р. сер[ебром]) — подарить Лессингу или дать займы, если он не захочет взять их в подарок. Дела Лессинга находились в таком незавидном положении, что он с признательностью взял эту ничтожную сумму, — да и как было не взять, когда около того же времени он бывал принужден брать займы у Глейма и Мендельсона по 30 или по 20 талеров, — и эти деньги уже казались ему значительными].

удобнее, нежели ночью; англичанин очень основательно докажет, что солнце светит не днем, а ночью, но прибавит, что все-таки ночь темна, а день светел, что поэт не может слишком далеко уклониться от истины, заключит из этого, что Расин — великий поэт, потому что нимаало не заботи] Широга

Стр. 142, 18 строка. В рукописи: положения. [Письма его веселы, — чего давно уж не бывало. Он сам дивится быстроте своего решения, но очень доволен ею]. Но скоро

Стр. 144, 20 строка снизу. В рукописи: прозаических [иначе сказать деловых] общественных

Стр. 144, 21 строка снизу. В рукописи: отношения [к несчастью вообще, по мнению идеалистов, к несчастью теперь потому, что для большинства людей тяжелы] составляют

Стр. 144, 14 строка снизу. В рукописи: свете. [Немецкие ученые и литераторы того времени были вообще несчастны в этом отношении. Они были слишком оторваны от жизни, — они были вообще цеховые люди и] Писатель

Стр. 145, 9 строка снизу. В «Современнике»: отравлять *зависимостью* меньшую

Стр. 148, 2 строка. В рукописи: пути. [Истина выше обработаннейшей искусственности].

Искусству

Стр. 150, 1 строка. В рукописи: Телльгейма [— этих представителей двух немецких племен, разорванных, ожесточенных друг против друга недавнею войною] служит

Стр. 156, 12 строка. В рукописи: «драматург» [который объяснял бы актерам достоинства и недостатки как разыгрываемых пьес, так и игры их]. По мнению

Стр. 156, 13 строка. В рукописи: писателем [и первым критиком] Германи, потому Лессингу и было предложено место «драматурга» [— критика, состоящего при театре]. Жалованья

Стр. 159, 11 строка снизу. В рукописи: к поэту. [В книге поэт — единовластитель, в театре он — поставщик сырого материала для труппы.

Драма, как спектакль, уже не принадлежит тому роду искусства, к которому может принадлежать лирическое стихотворение и эпос. Драма, как книга, не выдерживает по законченности и полноте выражения мысли никакого сравнения с эпическою формою.

Это все мы говорим к тому, чтобы показать читателю, расположенному предпочитать в чтении повесть или роман драме, показать, что мы вовсе не совершенно разделяем его нерасположение к драме, как книге].

При настоящем

Стр. 160, 14 строка. В рукописи: период. [Практически сущность драмы была показана последующему поколению драмами Лессинга, которые, конечно, имели значительную степень влияния на этот род поэзии]. С Лессинга

Стр. 161, 2 строка. В рукописи: язвительно. [Конечно у Лессинга не могло быть личных причин сердиться на Кор] [В этом случае, как и во всех других, Лессинг действовал по правилу, которое выразил в своих «Антикварских письмах»]. Эта

Стр. 161, 13 строка. В рукописи: таланта. [Только в последнее время, когда уже все одинаково] [исчезла всякая возможность увлечения псевдоклассицизмом, начали говорить о нем равнодушно и снисходительно, как о явлении отжившем] [совершенно безопасном — имевшем свою и] [и понимать, что Лессинг, осудив недостатки этих драм, не отрицал великого таланта в их авторах и что] «Гамбургская

Стр. 162, 18 строка снизу. В рукописи: путям, — потому что прямая и естественная дорога слишком часто бывает загромождена непреодолимыми препятствиями. В «Современнике»: [Думал ли Лессинг, что, трактуя о драме,

он трудится не столько для эстетики, сколько для жизни своего народа? Быть может, он и предчувствовал это, — хотя и нигде не говорит о том прямо, — ведь он далеко не высказал в своих сочинениях всех своих задушевных желаний и целей. В этом он решительно отличается от позднейших немецких писателей. Чего именно хотел Шиллер или Гете, мы можем].

[Но вовсе не странно другое обстоятельство, о котором уместнее]. Надобно заметить одну черту Лессинга

Стр. 162, 9 строка снизу. В рукописи: к понятию национальности. В одном из писем к Глейму он положительно говорит: *Похвала патриота, который принуждал бы меня забывать, что я должен быть космополитом, немало не лестна для меня. Я вообще решительно не понимаю любви к отечеству [мне очень жаль, что, быть может, я кладу этим на себя пятно в ваших глазах] и она кажется мне не более, как героической слабостью, которой я нимало не подвержен*. После того, как разучилось

Стр. 169, 9 строка снизу. В рукописи: театр, [Лессингу стало невозможно существовать] [пришлось опять думать о том, как бы избавиться от своего несносного положения. Отношения его к гамбургскому обществу были очень приятны, особенно] [но денег]. Постоянною

Стр. 171, 4 строка. В рукописи: служило. [Так явились: «Басни из времен Миннезингеров», «Ромул и Нумиций», «Тарих Бени Адам» [(перевод] [различные изыскания о средневековой поэзии].

Но Лессинг был не такой

Стр. 172, 6 строка снизу. В рукописи: сюжетов [(сюжет очень важная вещь, если не в художественном, то в историческом отношении)] сравнить их произведения.

Стр. 179, 20 строка снизу. В рукописи: вредность. [Если бы физиократы дожили до нашего времени, они увидели бы] [Увлечение действует обаятельно, притом же и возникает оно не без причины]. С успехом

Стр. 187, 17 строка снизу. В рукописи: к свадьбе; [но тут явилось неожиданное новое приглашение, которое заставило отложить на некоторое время свадьбу, и тем сильнее раздосадовало Лессинга, когда оказалось обманчивою уловкою. Карл Теодор, курфюрст Пфальцский, вздумал основать при своем дворе в Маннгейме «Национальный театр» по примеру Гамбургской попытки. Для этого предпринятия считали необходимым приобрести содействие Лессинга. Но придворные знали, что Лессинг решился не принимать никакой должности при немецких, частных ли, или придворных, театрах. Они вздумали завлечь его в Маннгейм предложением места академика в Академии наук, которую предполагалось основать в Маннгейме. Лессингу выслали диплом на звание академика, обещали ему большое жалованье и просили приехать в Маннгейм для личных переговоров о подробностях. Лессинг поехал в Маннгейм. Первый министр, барон Гомпеш предложил ему, кроме звания академика с 2 000 гульденов (1 200 р. сер [ебром]) — почти вдвое больше, нежели получал он в Вольфенбюттеле), место попечителя при Гейдельбергском университете. Лессинг согласился. Тогда барон Гомпеш просил его, по-дружески, а не по обязанности, взглянуть на новую труппу придворных актеров и дать свои советы относительно устроивавшегося театра. Лессинг сделал это, прибавляя, что постоянно заниматься театральными делами он не намерен] и 6-го октября

Стр. 191, 16 строка снизу. В рукописи: общества. [Только при самом конце жизни он увидел, что эти вопросы могут обратить на себя живое внимание его соотечественников]. и

Стр. 194, 23 строка снизу. В рукописи: с ним. [До сих пор еще не все привыкли встречать имя Лессинга в числе философов, и потому, говоря о мыслителях, имевших наиболее значения в развитии философии, упомянем определенно, что и в этом или в других случаях мы только повторяем то, в чем согласны немецкие исследователи]. И однакож

Стр. 196, 3 строка. В «Современнике»: этих нововодителей не последовательны

Стр. 196, 22 строка. В рукописи: католичеству [одинаково отвергали всякую возможность примирения с людьми каких-либо единодушных стремлений с тою частью немецкого народа, которая признавала] обе одинаково

Стр. 197, 14 строка снизу. В рукописи: Лютера [и Мгланх — тона] за непогрешительное

Стр. 206, 13 строка. В рукописи: закоснелых лютеран, [той идее, что «во всяком народе делающий правду угоден богу»]. Эта драма — «Натан Мудрый»

Стр. 209, 15 строка. В рукописи: гражданских стремлений. *Но во всяком случае интересно было бы знать, с какой точки зрения смотрел на эти предметы сам Лессинг: если в этом любопытстве и нет побуждения исторического, потому что не философскими и не политическими сочинениями имел он влияние на жизнь своего народа, зато есть интерес психологический: когда по гениальности и историческому значению человек становится первым из своих современников, поучительно знать не только те его действия, которые давали направление историческому движению, но и мысли его о главных вопросах человеческой жизни. Только в одном месте*

Стр. 209, 9 строка снизу (вставки). В рукописи: не вслушиваться в мои слова. [По обыкновению, предмет, по поводу которого начинаются разговоры, служит Лессингу только исходным пунктом для того, чтобы перейти к изложению вопросов гораздо более важных, нежели самый этот предмет, и очевидно, что продолжение разговоров должно бы принять такой оборот: Фальк, уже не стесняясь правилом молчать о тайнах масонства перед людьми посторонними, получив возможность говорить с Эрнстом откровенно, как масон с масоном, подробно изложил бы ему историю масонства (это дело только начато им в четвертом и пятом разговорах), потом изобразил бы настоящее состояние, заключил бы, что оно ни к чему не ведет, и перешел бы к изложению своих соображений о недостатках обществ]

Для нас интересен второй разговор

Стр. 215, 1 строка снизу. В рукописи: его натура. [Главное значение его деятельности — педагогическое. Он воспитывал нацию и ее учителей.

Сочинения древних философов делились на два разряда: экзотерические, в которых Платон или Аристотель, Зенон или Демокрит излагали свою мысль не во всем ее объеме и не во всей ее глубине, а только с тех сторон, которые были интересны и доступны большинству их соотечественников, и изотерические]

Половины того

Стр. 216, 27 строка. В рукописи: от продолжительной жизни *Но в летах Лессинга такое явление было слишком преждевременно и повлекло за собою болезнь, бывшую непосредственной причиной его смерти, — водяную в груди. Он в свои немногие годы.*

Стр. 218, 11 строка. В рукописи: MDCCLXXXI.

[Долго не было памятника на могиле Лессинга; даже место этой могилы было забыто всеми, кроме] [Самую могилу его через несколько лет едва мог отыскать по указанию старика слуги Лессинга, Гроссмани, предложивший воздвигнуть памятник на этом месте].

В 1853 г.

ПИСЬМА ОБ ИСПАНИИ, В. П. БОТКИНА

(Первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Рукопись писана Чернышевским совместно с Некрасовым. Автограф того и другого. На 8 листах писчего формата.

Некрасову принадлежит большой отрывок, начиная со слов: «Никто не знал происхождения первоначальных обитателей Испании» (стр. 224, 13 строка сверху), кончая словами: «Все эти различные явления истори-

ческой жизни испанского народа» (стр. 226, 12 строка). Эти листы писаны рукою поэта на голубой бумаге.

Отрывки текста книги Боткина в рукописи отсутствуют, они заменены соответствующими указаниями Чернышевского к типографии о наборе их по книге. Последний абзац в рукописи совсем отсутствует.

Стр. 234, 12 строка снизу. В рукописи: Так, погубили себя — [Но знаете ли вы испанскую легенду об Альмансоре, который сходит в зачумленный город, чтобы в своем теле принести чуму врагам и тем спасти отчизну. Предположите, что этот Альмансор ошибкою пришел, зачумленный из зачумленного города в стан не врагов, а друзей — конечно, он погубил бы себя и отчизну — но все-таки ведь он! [герой, человек сильной души] [был бы герой]

Стр. 245, 13 строка снизу. В рукописи: и исчезнуть быстро. [Если бы коренными пороками испанской нации были торгашество, эгоизм, — трудно было бы предугадать будущность Испании, — быть может, эти пороки нашли бы возможность так или иначе] [примирить с собою стремления нашего века к материальному благосостоянию, — но невежеству и беззаботности оно смертельный враг. Ни оторваться от Западной Европы, ни воспротивиться Испании не может теперь — и]

Мы сделали много выписок

СОБРАНИЕ ПИСЕМ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Изд. Петр Бартенев

(Первоначально: «Современник» 1857, № 3.)

Рукопись-автограф на 23 листах в четвертку, со множеством помарок и вставок.

В рукописи имеются указания Чернышевского на размещение вставок, которые не были соблюдены типографией «Современника»; в таком виде текст был напечатан в «Современнике» и в полном собрании сочинений 1906 года. Мы оставляем его, как авторизованный текст, прошедший через редакторскую правку самого автора, который, повидимому, не придавал значения этим перестановкам отдельных абзацев. Сюда относятся следующие пометки Чернышевского в рукописи:

1) на обороте листа 17 после слов: «как всякому известно до недавнего времени» (стр. 258, 7 строка снизу), пометка Чернышевского: «Следует лист 20», то есть абзац, начинающийся словами: «Все путешественники говорят об удивительной недоверчивости», в «Современнике» же напечатан с листа 17 абзац, начинающийся словами: «В чувственной любви многие предавались».

2) На обороте 19 листа после абзаца, начинающегося словами: «О церемониях свадебного пира» (стр. 260, 18 строка снизу), следует пометка Чернышевского: «Продолжается лист 17». На самом же деле, в «Современнике» напечатано продолжение, начиная с листа 20-го.

Корректурa (гранки) — цензорская, от 1 и 2 марта, с пометой: «Печатать позволяется, 3 марта 1856. Цензор Лажечников». 2½ формы.

Любопытно отметить, что некоторые изъятия цензора все-таки были восстановлены в «Современнике», повидимому они были отвоеваны автором после личных объяснений с цензором.

Стр. 246, 1 строка снизу. В корректуре после слов «Алексей Михайлович» вставлено рукою цензора: «был государь разумный и правдивый».

Стр. 248, 25 строка. В корректуре рукою цензора исправлено: наше могущество и расширение наших пределов.

Стр. 248, 27 строка. Ничего подобного чувствам. Вся эта фраза вычеркнута рукою цензора в корректуре.

Стр. 251, 21 строка. В рукописи: русские кажутся путешественникам европейцами;

К этой поправке относится помета цензора: «или что-нибудь подобное в прошедшем времени».

Стр. 251, 16 строка снизу. В корректуре цензором вычеркнуто помещенное нами в прямых скобках, сюда относится его помета на полях корректуры «№. Нельзя ли переправить это иначе?» В «Современнике» вычеркнутые слова заменены: между прочим

Стр. 252, 10 строка. В рукописи: других областях жизни. [Нам предстояло в начале XVIII века выбор не между] [Дилемма «старина или новизна» в начале] Верность старине в начале XVIII века [означала не самостоятельность] была просто верностью.

Стр. 252, 23 строка. В рукописи: тогдашнего хорошего тона [дендизм своего рода и бонтонность свойственны всем ступеням] [заражают свою пошлостью все ступени] [фазисы развития от первобытного] [служащие переходом] придавали себе совершенно азиатскую наружность.

Стр. 255, 21 строка снизу. В рукописи: бояре [боялись, что, увидев благосостояние в других странах, русские возвратятся с мыслями] не хотели давать русским

Стр. 256, 3 строка. В рукописи: лишений всякого рода. [Но при возможности, они вознаграждали себя за все перенесенные неудобства изумительным аппетитом]. Правда, смертность

Помета цензора на полях корректуры. « Когда нейдет к делу, зачем же приводить?»

Стр. 261, 1 строка снизу. В рукописи: Прибавим только [, что мы не понимаем возможности пленяться иноземными формами и обычаями, которые сковывали русский народ с самого появления его в истории до сближения с Западной Ев <ропой>], что издание

Стр. 262. В корректуре напечатан весь отрывок, заключенный нами в прямые скобки, со следующими исправлениями цензора:

Фраза, начинающаяся словами: «По общему замечанию» до слов: «недавно один ученый», — вычеркнута.

Вместо «предлагал» исправлено: «предлагал же»

Слова: «итак, трудимся, мы трудимся» — вычеркнуты.

ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ, ЩЕДРИНА.

(Первоначально: «Современник», 1857, № 6; с восстановлением текста по рукописи: Избранных сочинений, т. IV, Гиз. 1930.)

Рукопись на 17 листах в полулист, писана большею частью постороннею рукою, как и «Заметки о журналах, май 1857», со вставками рукою Чернышевского в тексте и на полях. Иногда текст прямо продолжается в рукописи рукою Чернышевского. Число помарок и зачеркнутых мест крайне незначительно. На листе втором имеется зачеркнутая заметка Чернышевского к типографии: «У меня было только 7 форм Барри Линдона — у цензора кроме их еще 9-я форма. Цензору не прислали 8-й формы, а мне 8-й и 9-й. 9-ю цензорскую я оставил у себя, чтобы прочитать ее. Прошу прислать 8-ю. Н. Чернышевский».

Корректурa — гранки, 6 листов + 1 столбец, статья корректурой представлена полностью. Имеются поправки автора и вычеркнутые карандашом отрывки, не попавшие в «Современник», очевидно скопированные Чернышевским с цензорской корректуры.

Отговариваются только цензорские поправки, так как в основу положен авторизованный текст «Современника».

Стр. 265, 23 строка. В рукописи: совершенно бессовестным, [чуть не разбойником], готовы думать, что он совершит решительно всякое преступ-

ление или злодейство, лишь бы только оно представлялось ему выгодным делом. Иные, пожалуй, скажут,

Стр. 267, 7 строка. В «Современнике»: Он писатель, по преимуществу грустный и негодующий.

Стр. 268, 15 строка. В рукописи: на первый взгляд. Он служил заседателем в Земском суде, имел большое семейство и получал триста рублей бумажками жалованья. Само собою, этих денег было недостаточно для содержания семейства. Если мы вздумаем

Стр. 270, 9 строка. В рукописи: ничего несправедливого. *Напротив законы всех народов требуют строгого исполнения заключенных договоров. Приведем пример: [в моем доме есть несколько свободных квартир,] я отдаю участок земли в наемное содержание. Никто не может осудить меня, если я отдаю его тому из желающих нанять, который соглашается давать мне наибольшую арендную плату. Не только нельзя осудить меня за то, напротив все меня осудили бы, если бы я поступил иначе. Если бы я отдал этот участок за цену меньшую, нежели какую могу получить или даже вовсе задаром, меня назвали бы человеком нерасчетливым и даже вовсе глупым. Конечно, могут быть особенные обстоятельства. По чувству дружбы или родства я могу отступить от обыкновенного правила и отдать участок без всякой платы своему родственнику, или приятелю, или просто бедняку. За это меня не осудят, напротив даже назовут человеком великодушным. Но вы видите, что тут есть особенные обстоятельства, составляющие исключение из общего правила, да и самая моя личность, возбуждающая удивление своими великодушными качествами, составляет исключение из обыкновенного порядка. Но мы говорим не об исключениях, которые никогда не служат основанием для обыкновенного течения дел. Мы говорим о самом обыкновенном порядке дел. В моем распоряжении есть участок земли, ко мне являются различные наниматели, желающие нанять этот участок затем, чтобы получить через то для себя выгоду. Здравый смысл и законы всех народов повелевают мне требовать, чтобы наниматель часть той выгоды, какую получит уступаемый ему мною участок, предоставлял мне. Здравый смысл, житейское благоразумие и общественное мнение одинаково говорят мне, что я должен отдать свой участок тому из нанимателей, который обещаете давать мне наибольшую плату. Я так и делаю. Никто меня за это не осудит. Я человек не особенно великодушный, но совершенно справедливый. Я пользуюсь своим правом. Сделаем оговорку: пользование своим правом можно доводить до крайности обременительной и стеснительной для нанимателя. Как человек справедливый, я этого не делаю. Не требую такой платы, при которой мой наниматель терпел бы нужду, я вовсе не хочу, чтобы он работал только для меня, сам умирая с голоду. Нет, тогда меня осудили бы, как человека слишком требовательного и корыстолюбивого. Я не употребляю никаких вымогательств; я довольствуюсь тою платою, какую он сам предлагает давать мне. Между нами заключена полюбовная, никому из нас не обидная, для обеих равно выгодная сделка. Но сделка заключена. Теперь она должна быть исполняема с обеих сторон. Это говорят законы всех народов и общественные мнения во всех странах. Теперь на обеих договорившихся сторонах лежат взаимные обязанности, неразрывно соединенные с правами, возникающими из договора. Мой арендатор получает выгоду с участка, отданного мною в его распоряжение. За то он обязан вносить мне плату, установленную договором. Я, с своей стороны, получаю от арендатора известную оброчную плату, и за то обязан охранять его права на пользование участком, отанным от меня ему по договору. Рассмотрим сначала мое положение: если возникнут для арендатора какие-нибудь неприятности вследствие того, что он, согласно договору, обрабатывает участок, ему отданный, я обязан устранять эти неприятности, как например: если бы явились какие-нибудь разбойники, которые захотели бы мешать надлежащей обработке участка, я должен защитить от их нападения моего арендатора. Если бы он потребовал от меня каких-нибудь распоряжений, могущих содействовать надлежащей обработке*

участка и не вовлекающих меня ни в какие расходы, я обяван был бы дать эти распоряжения. Войдем теперь в положение арендатора. Он не может не употреблять всех находящихся в его распоряжении средств для извлечения выгоды с участка, иначе он останется в убытке; не будет в состоянии платить мне условленную договором сумму и, как неисправный должник, справедливо будет лишен мною заведывания участком. Всякая беспечность к увеличению своих доходов грозит моему арендатору опасностью быть изгнанным с участка и остаться без средств к существованию. Итак, самая необходимость побуждает его быть деятельным и энергическим хозяином. Мы, т. е. я и мой арендатор, желаем знать, какой юрист в целой Европе найдет какой-нибудь повод к осуждению в вышеизложенных отношениях, основанных на добровольном договоре с обеих сторон. Я, хозяин участка, честен и справедлив, получая плату с моего арендатора. Он, мой арендатор, честен и справедлив, употребляя все свои средства для наивыгоднейшей разработки полученного им от меня участка. За нас гражданские законы всех образованных наций. За нас общественное мнение.

Но мы совершенно отделились от предмета нашей статьи, увлекшись размышлениями о сельском хозяйстве. Впрочем, читатели, быть может, извинят это отступление тем, что во всех отраслях человеческой деятельности господствуют одни и те же законы, а также и тем, что основные начала договорного права одинаково применяются ко всем гражданским отношениям. Возвратимся же

Стр. 271, 6 строка снизу. В рукописи: разездов по родине. Из последнего замечания можно вывести благоразумное правило. Не каждому его общественным положением даны средства приниматься за какое-нибудь полезное преобразование с надеждой достичь успеха. И как, например, не заслуживал осуждения ваш дед, когда, отправляясь из Казани или из Харькова в Москву, набивал свой тарантас всевозможными съестными снабдьями, точно так же не заслуживает осуждения и подъячий, служивший во время вашей молодости, за то, что сообразовался с привычками, существовавшими в прошлые времена. Надобно полагать, что в те времена, когда путешествовал ваш дед и когда служил этот подъячий, неудобно было, а быть может и невозможно было поступать не так, как поступали они. Но мы не исчерпали еще всех отвлеченных от жизни обвинений, какие можно взвести против личного характера и качеств души нашего подъячего. [Мы не имеем никакой враждебности против так называемого просвещенного взгляда на жизнь; но нельзя не сказать, что во многих случаях приверженцы его так называемые люди без предрасудков]

Мы не имеем особенной

Стр. 274, 4 строка. В рукописи: Дело в том, что [живой организм, каким надобно признать государство] нельзя по произволу переделывать

Стр. 274, 17 строка снизу. В рукописи: требовать подати теперь же. [Если он отсрочит требование, он сам подвергается ответственности], отсрочивая уплату, он уступает в своем праве, так думают поселяне, так думает и он. За каждую

Стр. 276, 14 строка. В рукописи: от них самих, и тогда решим, до какой степени важно оно. Чиновникам не было прибыли от богатого фабриканта. Вам покажется, вероятно, что так тому и следовало быть. По мнению чиновников и самого фабриканта — вовсе не так. Чиновники считали фабриканта подлым человеком.

Стр. 277, 23 строка. В «Современнике»: что он не отказывается от рюмки водки.

Взятка, по мнению подъячего прошлых времен, есть полюбовная сделка.

Стр. 277, 1 строка снизу. В рукописи: он был человек не только не притязательного, а напротив мягкого и доброго характера. Читателю не должно казаться это излишним пристрастием нашим к нему: мы говорим, основываясь на фактах. За уступки и льготы,

Стр. 282, 16 строка. В рукописи: купцы обращаются гуманнее, нежели какой-нибудь другой класс. Каждый, кто знаком

Стр. 283, 9 строка. В рукописи: Но мы уже видели, что предпочтение службы всякому другому роду занятий не бывает в обществе явлением случайным, но всегда проистекает из факта быта.

Стр. 289, 20 строка. Эта вставка вычеркнута в корректуре (начиная словами «пусть постараются они вразумить» и кончая словами «со стороны высших каст»).

Стр. 291, 1 строка снизу. После слов: «равно дурны» вычеркнуто в корректуре: Мы находимся в каком-то приятном расположении всех оправдывать, всех защищать. Если нашли уже мы возможность замолвить пред предубежденным к осуждению читателем доброе слово за подъячего прошлых времен и Ижбурдина, этих людей действительно отчасти грязноватых, то как же не заступиться нам за добросовестность Буеракина, которого называет добрым человеком сам неумолимый Щедрин?

Стр. 295, 11 строка. После слов «знаете ли вы Сицилию?» вычеркнуто в корректуре: Все торговцы там злостные банкроты. Все судьи там взяточники. Общий дух сицилианцев таков, что они не могут жить без лживых присяг и преступлений.

Стр. 296, 6 строка снизу. В рукописи: принимать в соображение как потребности государства, которыми исключительно занят юрист Цицерон,

Стр. 298, 6 строка снизу. В корректуре «защитить» переправлено цензорским карандашом на «извинить».

Стр. 301, 10 строка. После слов: «слишком длинна» вычеркнуто в корректуре:

Нам казалось, что эта статья уже кончена, как мы вспомнили, что в ней нет одной из необходимых принадлежностей критического разбора. Мы во всем соглашались с Щедриным, не противоречили ни одному из его мнений, ни одному из его слов; а ведь это необходимо! Как же может критика оставить автора без благих указаний и назидательных замечаний относительно его ошибок. Должна же критика указывать авторам их ошибки. Иной читатель, пожалуй, скажет, что писатели, подобные Щедрину, не нуждаются ровно ни в каких указаниях и назиданиях. Но мы не можем согласиться с таким мнением. Оно оскорбительно для критики, оно, можно сказать, оскорбительно для чести литературы. Помилуйте; что же это была бы за литература, в которой над авторами не было никакого суда? Нет, вы пишете, как себе хотите, а без указаний и замечаний мы не можем вас оставить. Это было бы противно благу литературы, наконец нашей совести, которая велит нам заботиться о благе литературы, а потому велит нам находить в вас недостатки и ошибки, заслуживающие порицания. Итак мы кончаем порицанием, даже по внушению нашей совести, строгим порицанием одной очень важной ошибки, или недостатка, или заблуждения Щедрина. Его прекрасные очерки кончаются похоронами. На каком основании эти похороны явились в вашей книге, господин надворный советник Щедрин? Не слишком ли вы поторопились со своими похоронными желаниями? Мы решительно не понимаем: к чему, зачем и на каком основании устроили вы эти похороны? У вас, милостивый государь, слишком мрачный взгляд на вещи; вы находитесь в желчном расположении духа, вы принимаете мечты своего воображения за действительность. Постарайтесь быть хладнокровнее, господин надворный советник Щедрин. Взгляните на дело вашим спокойным и пронизательным взглядом, и вы вместе с нами от души весело посмеетесь над вашим странным заблуждением. К чему воображать, будто мы живем в холерное время? К чему ж и отчего ж будут у нас с вами мысли о смерти? Слава богу, все наши добрые знакомые находятся в добром здравье и совершенном благоденствии, никто из них и не думал умирать. Да здравствует долговечность!

STUDIEN, VON HAXTHAUSEN. ИССЛЕДОВАНИЯ; ГАКСТГАУЗЕНА

(Первоначально: «Современник» 1857, № 7.)

Рукопись на 53 листах в полулист писана неизвестною рукою, со вставками самого Чернышевского. Части рукописи (одного листа) не хватает, начиная со слов: [«чув» ствуется в России еще не повсюду», и кончая словами: «и да совершит Александр II» (стр. 347, 14 строка до 9 строки снизу). Отрывок на стр. 348, не вошедший в «Современник», первоначально был опубликован в полном собрании сочинений 1906 года в томе X, ч. 2. В восстановленном виде полностью статья первоначально опубликована в томе I Избранных сочинений, ГИЗ, 1928.

Стр. 305, 6 строка. В рукописи: между огромным большинством нашего народа. [«Он происходит от патриархального общества, — этого довольно, мы, считающие патриархальный быт очень низко степенью развития, полагаем, что не может быть хорош ни один из принципов, ему принадлежащих». Мы очень хорошо понимаем благородные основания такого предубеждения, но тем не менее думаем, что иметь какие бы то ни было предубеждения — значит] о другой причине, утверждающей.

Стр. 307, 20 строка сверху. В рукописи: аксиома, доказанная Адамом Смитом]: *производство увеличивается разделением труда; столь же несомненна другая аксиома: «Производство усиливается приложением капитала»* [(по своему невежеству мы не можем сказать, кто первый доказал эту аксиому)]. Таких

Стр. 309, 37 строка сверху. В рукописи: граф Тенгоборский продолжает: *«Затрудняются успехи нашего земледелия также тем способом, по которому распределяются земли между поселянами, то есть разделом по тяглам. Вся та земля.*

Стр. 312, 17 строка снизу. В рукописи: что делать с таким бременем [вообще любят навязывать его зажиточным семьям, тем, на которых хотя и ввалили тяго...] Ниже Гакстгаузен объяснит

Стр. 316, 11 строка. В рукописи: не просто консерватор, а *самый вакалтый реакционер*

Стр. 325, 22 строка снизу. В рукописи: хотел построить свое здание Сен-Симон.

[«Мы удерживаемся (продолжает Гакстгаузен) от дальнейшего сравнения этих двух систем с целью показать их различие, но будем впоследствии, при удобных случаях, разъяснять это на отдельных пунктах]. «Итак, заключает Гакстгаузен

Стр. 329, 11 строка. В рукописи: французской и английской систем. *Мы это мнение считаем основательным и можем прибавить, что когда без нарушения*

Стр. 330, 11 строка снизу. В рукописи: с сен-симонистскою системою и оттого выпустить места, говорящие о Сен-Симоне, нельзя было без нарушения смысла; но мы предупреждаем

Стр. 340, 15 строка. В рукописи: Если встречаются отдельные [беспокойные] люди, [которым родина и регулярная жизнь кажется слишком тиха и однообразна], которые, как говорится

Стр. 341, 6 строка снизу. В рукописи: если бы по нелюбви к ярлычку патриархальности, с которым дошло до нас это средство [вздумали пренебречь этим средством, которое оставалось совершенно излишним последствием старины, пока не появилась на Западе болезнь, против которой оно очень пригодно],

До сих пор мы говорили

Стр. 348, 13 строка. В рукописи: в чем-нибудь существенном этот принцип [—невыгодные стороны его относительно успехов земледелия так легко видеть, что не нужно много и говорить о них; но] государственное достоинство

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

(Первоначально: «Современник» 1857, №№ 9 и 11.)

Сохранилась рукопись только первой статьи, на 47 листах в полулист, писана в большей своей части рукою Чернышевского, частично — тем же лицом, что и «Исследования Гакстгаузена».

Рукопись сохранилась не полностью. Она обрывается на словах: «и не продолжать словопрения» (стр. 417, 10 строка снизу), и отсутствует до конца.

Вторая статья представлена корректурой на 7 листах. Корректурa авторская, помечена 1 и 2 ноября [1857], содержит авторскую правку редакционного характера, а также зачеркнутые места по явно цензурным соображениям, очевидно перенесенные сюда автором из цензурской корректуры. Название корректуры: «О поземельной собственности. «Экономический указатель», №№ 22, 25, 27 и 29 — Bastiat. Oeuvres complètes».

Стр. 352, 3 строка. В рукописи: человека в политической и экономической сферах. Кто прочел

Стр. 352, 15 строка. В рукописи: самодеятельности человека как в сфере политической, так и прочая? Оно очень может быть

Стр. 363, 4 строка. В рукописи: заинтересованы только сотни тысяч, много-много два-три миллиона людей, а поземельным владением прямо заинтересованы по крайней мере 50 миллионов, — это о судьбе людей, а о судьбе государства? Ваш Тенгоборский

Стр. 364, 19 строка. В рукописи: не согласятся с этим. А впрочем и то сказать, французы такой странный народ, что мы не поручимся даже за их пролетариев — если теперь они не имеют собственности, то скоро, быть может, будут иметь ее. Не на эту ли вероятность хотел намекнуть г. И. В-ский, и не должно ли в его фразе настоящее время «имеют» понимать в смысле будущего? Кто проникнет в глубину души человека?

«Но согласится или нет г. И. В-ский»

Стр. 366, 2 строка снизу. В рукописи: Г. Иванова [он очень огорчил. Отправившись домой, он вместе с своим приятелем начал плакать о том, что он стал пролетарием, потому что теперь нечего ему ни продать ни заложить] такой ответ не слишком бы огорчил,

Стр. 366, 1 строка снизу. В рукописи: приятель пришел в ужас [«ты раб общества, что это за тиранство»] «Какая гнусная и оскорбительная вещь!»

Стр. 372, 15 строка. В рукописи: репутации, как *Бастиа*, Шербюлье

Стр. 372, 16 строка. В рукописи: Луи Ребо, Вивьен с братнею?

Стр. 373, 9 строка. В рукописи: успехов на этом пути.

[[Почему же, однако, есть в Западной Европе потребность в земледельческих ассоциациях? Потому что]

[Основная мысль всех наших статей та, что выгоднее быть земледельцу вместе с тем землевладельцем, нежели просто наемным работником; что для большинства земледельческого населения выгоднее то устройство поземельного владения]

[В первой статье мы доказывали примерным расчетом, что если бы даже при общинном владении общая сумма продуктов, получаемых с известного пространства земли и была по необхо...]

[Общинное владение земли выгодно потому, что при нем каждый земледелец есть вместе и землевладелец; против него говорят, что оно препятствует земледельческим усовершенствованиям и следовательно не дает того дохода. При частной собственности] [фермерском хозяйстве общий доход с земли непременно получается более значительный. Это несправедливо; но если б и было справедливо, то]

Противники общинного владения утверждают

Стр. 380, 18 строка сверху. В рукописи: а не превосходством системы частной собственности.

Стр. 382, 15 строка. В рукописи: книгу Штейна [или, еще ближе, — прочтите хотя статьи покойного В. А. Милютина в «Современнике». Поверьте] [Быть может, вы тогда будете о многом думать иначе, нежели думаете теперь, а наверное вы <будете> тогда многое понимать лучше, нежели теперь. Например, хотя в настоящем деле: если бы вы и имели точное понятие о мнениях, против которых кричали ваши авторитеты, вы понимали <бы> образ мыслей, которым внушили наши статьи; а если бы вы понимали его, вы избежали бы многих ошибок. Довольно странно видеть перед собою в начале вашей статьи какого-то утописта, а потом увидев, что]

[Вы не вообразили бы тогда, что] [Часто вы не хотите понимать наших мыслей, нарочно искажаете их и начинаете говорить о предметах, которые вовсе ни прямо, ни косвенно не относятся к делу. К чему, например, в последней статье вашей рассуждение о том, что кроме земледельцев существуют в России и другие сословия? Вы в самом деле вообразили, что имеете дело с физиократом, а ведь очевидно, что мы вовсе не физиок] Знание есть сила.

Стр. 382, 3 строка снизу. В рукописи: мы понимаем его возможность. [Артиллерист может смешивать линейный корабль с фрегатом, не зная величину морской мили] [о существовании винтовых пароходов, — это странно, это] [но скажите — тут нет логической невозможности] [но скажите, как артиллеристу не иметь понятия о тех приемах, которые он производит каждый день, — о зарядании пушки, о стрельбе из] [как ему не знать] [штуцер с простым ружьем] [не иметь понятия о величине ружейного заряда; но скажите, как возможно не иметь ему понятия о тех действиях, которые каждый день производит он? Как ему не знать, что такое значит стрелять, прицеливаться?]

Но скажите, каким образом

Стр. 389, 26 строка. В рукописи: как Бастиа и Жозеф Гарнье с братиею.

Стр. 390, 6 строка. В рукописи: пониманием собственных выгод [:он отрицает факт, свидетельствующий в его пользу; очевидно, он даже не знает этого факта]. Притом же если б он хотя сколько-нибудь знал

Стр. 392, 9 строка. В рукописи: из нескольких клочков (parcelle). Видите ли, все клочки земли одного владельца, разбросанные по разным местам волости, находящейся в заведывании одного сборщика податей, записываются в книге этого сборщика как один участок, а на самом деле многие из этих клочков рассеяны по разным местам этой волости. Таких клочков

Стр. 394, 19 строка. В рукописи: мы нашли бы (сноска):

* Для г. И. В-ского представляем и формулу, по которой определяется эта искомая цифра, х.

$$x:c=|^2:p^2$$

при чем с есть число участков в настоящее время (сбте), р — число собственников (propriétaires) и l — число всех земледельцев (laboureur). К удовольствию г. И. В-ского заметим, что эта формула еще самая благоприятная для него из всех, представляемых исчислением вероятностей.

Стр. 394, 25 строка. В рукописи: около 300 квадратных сажень. [При таком понижении средней величины участков, оказалось бы, что более, нежели половина земледельческих семей должны иметь не менее, нежели по 1 гектару]. При такой степени раздробления

Стр. 396, 3 строка. В рукописи: 5) Молотьба. и 6) Продажа, уже выходящая из круга чисто агрономических процессов, но представляющаяся тем увенчанием их, от которого преимущественно зависит возможность продолжения хлебопашества на следующий год. Посмотрим теперь,

Стр. 408, 18 строка снизу. В рукописи: кажутся слабыми, бледными, и если вы действительно недовольны были нашим мнением потому только, что оно выражено было слишком бледно, то мы готовы воскликнуть: «о, ве-

дите нас дальше и дальше по пути гуманности, столь ясно раскрываемому фактами, находимыми у вас! Наши силы слабы, наш дух не довольно решителен — укрепляйте и ободряйте нас! Но, скажет нам читатель,

Стр. 414, 17 строка снизу. В «Современнике»: второе, кроме того, и содействует возвышению производства.

Ведь известно, что общинное производство основывается на общинном владении и что согласие на общинное производство гораздо затруднительнее, нежели согласие на общинное владение. Ведь известно, что фактические степени тут таковы:

1. Общинная собственность или владение

Стр. 415, 17 строка. В рукописи: нежели согласиться на третье. Точно таков же и логический переход от поклонения индивидуализма к принципу братства:

1) Признание пользы общинного владения с отвержением возможности общинного производства — доход с собственности сосчитать дескать <можно>, а доход с труда невозможно точно усчитать, и споры будут ежеминутные; да и кому охота трудиться, когда не вся выгода от его труда достается не ему одному? — тем более с отвержением общинного потребления.

2) Принятие возможности выгодности общинного производства с отвержением общинного потребления, — ты дескать человек все-таки честный, и денежные расчеты с тобою иметь можно, и в работе ты меня не обманешь, а подчиниться твоему согласию в образе своей жизни я не намерен: живу себе как хочу и по чужой дудке плясать не стану.

3) Признание

Точно таковы же логические переходы от исключительного поклонения индивидуализму к признанию принципа братства.

Точно таковы же и логические степени:

Стр. 415, 1 строка снизу. В рукописи: вне семейного круга. В следующей статье мы рассмотрим условия, при которых разумею необходимо признает возможность и полезность двух последних степеней общинности, а свободная воля человека охотно принимает жизнь в таких отношениях. Здесь нам довольно заметить, что вторая степень

Стр. 429, 1 строка. В рукописи: или они уравновешиваются? Наглядный опыт, выразившийся изречением: «имеющему прибавится, а у неимеющего отнимется и то, что он имеет», — этот опыт свидетельствует, что преобладает стремление к сосредоточению. Так агрономы замечают

Стр. 433, 15 строка снизу. В рукописи: возделыванием их и разве иронически могут назваться поземельными собственниками. Потому общинное владение

Стр. 438, 15 строка. В рукописи: получили участие в национальном наследстве таким же

Стр. 438, 14 строка снизу. В рукописи: по объему и по совместности обладания. Государственная поземельная собственность

Стр. 440, 19 строка. В рукописи: количеством за качество. Видели ль вы, как иногда делят наследники даже движимую собственность? Из серебряного сервиза, один берет чайник, другой кофейник, третий ложки, и тут же из столового белья один берет скатерть, другой салфетки, это просто неразвитость ума, несообразность: ни общинное владение, ни частная собственность тут не виноваты. Само собою, этот

Стр. 443, 24 строка. В рукописи: выйдет одинаковая.

Например, положим 5%, то-есть 1 р. на 20 р. — весь доход за 57 лет с 40 десятин будет 2280 р., из них: при общинном владении Перфильевым достанется 1648 р., а фермеру только 480 р. — иначе сказать, Перфильевы при 5% получают вдвое более затраченного, а фермер потеряет почти половину своего капитала; в чужие руки от Перфильевых уйдет 618 р., а от фермера 1 300 р.

Положите 25% — то есть по 5 р. с десятины — пропорция та же; у

Перфильевых будет 8256 р., а у фермера только 2400: от Перфильевых уйдет в чужие руки только 3144 р., а от фермера — 9000 р. Само собою разумеется также,

Стр. 444, 7 строка снизу. В рукописи: экономическом развитии.

Впоследствии, говоря о шестом параграфе нашей *profession de foi*, мы увидим, что когда развитие чувства строгой справедливости возбудит потребность совершенно отстранить возможность всякой, хотя бы малейшей потери для общинника при переделах, это легко исполнится введением в общинное владение только одного усовершенствования, — именно вознаграждения за часть, отходящую от семьи в случае отрезка от ее участка при переделе. Мы увидим, что на это вознаграждение требуются суммы, совершенно нечувствительные для общины.

В. О возможности прочных улучшений

Стр. 446, 6 строка снизу. В рукописи: подтверждение этой теории. Все почти улучшения производятся фермерами, собственник, улучшающий свои земли своим капиталом, — явление чрезвычайно редкое. Все сословие

Стр. 448, 12 строка. В рукописи: место с 1000 р. дохода.

Итак: при возможности фермерства должна исчезать система половничества и все другие системы менее развитого хозяйства, потому что землевладельцу фермерство выгоднее половничества.

Собственное хозяйство для него не так выгодно, как фермерство, если у него нет готового капитала; если же есть готовый капитал, то, правда, что собственное хозяйство даст ему несколько более дохода нежели фермеры; но разница эта так незначительна, что не вознаграждает, по его мнению, хлопот и трудов хозяйства, и он предпочтет отдать землю фермерам.

Д. Материал для определения,

Стр. 448, 6 строка. В рукописи: нескольких поколений.

Всего лучше было бы взять довольно большое село и проследить в трех или четырех поколениях генеалогическое его движение: но для таких родословных нет материалов, и мы должны заменить их генеалогиями сословий, имеющих родословные.

Для этого мы берем 4-ю часть «Российской родословной книги», кн. П. Долгорукова.

Нам хочется узнать, что было бы с правнуками тех общинников, при которых было бы уничтожено общинное владение.

Село, над которым надобно сделать этот анализ, должно быть довольно велико, чтобы вывод не мог быть случайностью, а имел общее значение.

Жители, его составляющие, должны находиться между собою во взаимных отношениях близкого или дальнего родства. Группы родственников разнообразны

Стр. 451, 9 строка. В рукописи: общинного владения землю.

Уже один взгляд на число правнуков в разных родственных группах дает некоторое понятие о неравномерности их состояния, произведенной введением поземельного наследства. В группе № 1 наследство десяти прадедов разделилось между 54-мя правнуками, — у каждого из них средним числом только по $2\frac{1}{4}$ десятины земли, — и доходы правнука группы № 1 средним числом не превышают $2\frac{1}{4} \times 9 = 20$, между тем, как предок его получал 48. Правнуки в этой группе стали почти в два с половиною раза беднее прадедов, если даже предположить, что всем этим потомкам достались одинаковые доли прадедовского наследства.

Зато в группе № 8 от 47 прадедов произошло только 18 правнуков, — если даже предположить, что каждый правнук получил равную долю прадедовского наследства, все-таки окажется, что у каждого правнука с лишком по 31 десятине земли, а дохода по $31 \times 9 = 279$. Каждый стал в шесть раз богаче прадеда.

Вот вам и разгадка того, до какой степени основательны звонкие фразы о том, будто бы силою самого закона о наследстве восстанавливается равновесие:

Прадедам государство выделило равные средства к благосостоянию; благодаря успехам цивилизации правнуки их могли бы пользоваться в полтора раза большим благосостоянием. Вместо того по действию поземельного наследства: 54 человека живут в два с половиною раза беднее, нежели прадеды; зато 18 человек стали богачами.

Но эти цифры еще только предположительные и далеко уступают своей неравномерностью действительным отношениям, которые мы получим, точнее проследив генеалогию каждой группы.

Мы предположили, что в каждой группе всем правнукам достаются равные доли наследства, на самом деле это вовсе не так. У прадеда Захара были два сына.

Стр. 451, 17 строка снизу. В корректуре: своих родственников.

Точнее также и в 1-й группе лиц один правнук будет иметь 12 десятин, а девятеро других только по 1 десятина, еще двое только по $\frac{3}{4}$ десятины, и наконец четверо даже только по $\frac{3}{4}$ десятины, то есть будут люди в 16 и в 32 раза беднее своего родственника].

То же самое:

Стр. 458, 19 строка снизу. В рукописи: духовные завещания делаются обыкновенно в других направлениях: или имение передается какому-либо общественному учреждению, то есть уходит из сферы частной собственности или передается имение какому-нибудь

Стр. 464, 5 строка снизу. В рукописи: общинное владение в этой разнице?

[Посмотрим на сборы овса:

Nord	39,93	Lozère	7,39
Seine	32,29	Creuse	8,32
Seine et Oise	25,89	Lot et Chère	9,61

Тут разница еще больше: она превышает 500%, если сравним Nord и Lozère. Попробуем, что скажет картофель:

Hautes Alpes	317,13	Landes	27,79
Bas Rhine	231,08	Aude	45,00
Moroihan	211,62	Haute Marne	60,52

Ну, картофель еще громче говорит против общинного владения: в Hautes Alpes сбор на 1000% выше, нежели в Landes, вероятно потому, что Hautes Alpes — частная собственность, а в Landes общинное владение.

Но что сбор, — ведь это не деньги; мы, экономисты старой школы, знаем только богатство, которое выражено в рублях или франках, так вот доход с гектара пшеницы во франках:

Seine	309,80	Lot	115,25
Eure	308,95	Haute Marne	120,85
Bouche du Rhone	291,50	Lozère	124,85
Nord	317,30	Loir et Chère	159,30

— Этим мы еще выиграем, — если по количеству сбора мы нашли разницу в 200%, то по ценности его нашлась разница почти в 300% — все это оттого, что в Nord частная собственность, а в Lot, вероятно, общинное владение. В сборе и ценности других родов хлеба (напр. овса) разница еще значительнее, — она доходит до 400%.] В сборе и ценности других родов хлеба

Стр. 468, 4 строка. В рукописи: как важно, чтобы каждый земледелец имел собственность.

Во-первых,

Стр. 469, 12 строка. В рукописи: для сотен тысяч семей, не говоря уж о десятках миллионов земель. У нас

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УМНОЖЕНИЮ НАРОДНОГО КАПИТАЛА.

Речь И. Бабста

РАССУЖДЕНИЕ О ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИИ

И. Бенгама

(Первоначально: «Современник» 1857, № 10.)

Рукопись на 26 листах в полулист, писана частично самим Чернышевским, частично — постороннею рукою.

Стр. 470, 5 строка снизу. В рукописи: и бирмингамских кузнецов? Какое нам дело до того, справедлива ли теория Мальтуса, стареющая объяснять положение народного быта только там, где уже чувствуется недостаток земли, которого мы у себя еще вовсе не чувствуем? Сочинения эти читались

Стр. 471, 3 строка. В рукописи: Как бы то ни было, ученые, писавшие о политической экономии, пользовались в то время [известностью] сочувствием, если не меньшим, то и не большим того, каким пользуются математики, астрономы и естествоиспытатели, труды которых, конечно, признаются достойными всякого внимания и уважения, но имеют с нашими гражданскими интересами только ту связь, что вообще содействуют распространению просвещения, не оказывая непосредственного влияния на ход общественных убеждений и событий.

[Когда ученый не удовлетворялся этим довольно равнодушным уважением, он обращался от политической экономии к другим занятиям, приносившим более лестную награду. Так В. Милютин покинул политическую экономию для русской истории и истории русской литературы, когда захотел достичь того, чтобы каждый вспоминал его, когда вспоминал о самых популярных людях в литературе и называл его в числе полезнейших ее деятелей. Г. Бабст блистательным образом достиг этой же цели, не покидая своей науки. Его речь] Г. Бабст блистательным

Стр. 472, 11 строка снизу. В рукописи: важнее материального [*], — именно этот. Важнейший

Стр. 475, 8 строка снизу. В рукописи: имеет право говорить о необходимости забот об увеличении капитала и о благодетельном его

Стр. 476, 29 строка. В рукописи: той же расе. [Сравнительная филология доказала, что некогда все те племена, которые ныне населяют Европу, говорили одним общим языком, составляли один народ, имели совершенно одинаковые понятия, качества и привычки. После этого беспристрастный наблюдатель не может считать этих ничтожных особенностей достаточным для объяснений громадной разницы в их быте и привычках, а должен предположить, что эта разница возникла не от самого организма, а от каких-нибудь причин, нисколько не похожих на причины различия между лошадьёю и сернуою. И без указаний сравнительной филологии] Испанцы

Стр. 483, 20 строка. В рукописи: производительных занятий. Ценность годовичного труда мужчины Реген, из которого мы заимствуем эти цифры оценивают для Англии в 115 р. сер., для Франции в 75 р. сер., для других государств несколько менее, так что среднюю цену для всей

[* По самому тесному определению (Росси) «капитал есть сбереженный продукт, предназначенный для нового производства». Каждое нравственное качество, требуемое хорошим производством, подходит под это определение. Например, «честность есть также продукт, производимый пред]

Европы определяет он в 55 р. с. Такая оценка слишком низка; она основана на расчете заработной платы, получаемой земледельцами и мастерами, а не на ценности производимых ими продуктов, которую надобно считать, по крайней мере, втрое больше. Мы будем не далеки от истины

Стр. 483, 24 строка. В рукописи: средним числом на 165 р. сер.

Эта оценка еще слишком низка. Например, считая, что во Франции ежегодно производится ценностей на 300 милл. р. сер[ебром] и что только две трети этих ценностей (что, конечно, слишком мало) производятся работою взрослых мужчин; далее, считая, что число взрослых мужчин, способных к работе, равно одной четвертой части населения (что конечно слишком много) и что из этих 9 000 000 взрослых мужчин только 1 500 000 принадлежат к непроизводительному классу (что конечно слишком мало), мы получим, что из остальных 7 500 000 мужчин каждый производит ценностей на 266 р. сер[ебром]. Помножая последнюю

Стр. 492, 5 строка снизу. В рукописи: Александра I. [«Средства пропитания (обеспеченность жизни) зависят от законов, удостоверяющих (обеспечивающих) трудящемуся плоды труда его. Полезно рассмотреть с точностью бедствия, происходящие от нарушения собственности. Их можно разделить на четыре отделения:

1. Зло необладания...
2. Скорбь лишения...
3. Боязнь лишения...

4. Оскудение промышленности. Если я отчаиваюсь] «Средства пропитания

Стр. 494, 8 строка снизу. В рукописи: администрации, [Тогда прекратилась бы возможность грабительством приобретать миллионы] прекратить порядок

Стр. 495, 11 строка. В рукописи: событий [, изменяя гражданские учреждения] [Не очень много таких примеров в истории, но все-таки они есть, и доказывают возможность такого по] [Так в Риме, путем законодательства, изменились гражданские учреждения при Лицинии Столоне. Так особенно богата ими русская история при Екатерине II и Александре II] Облегчить

Стр. 497, 24 строка. В рукописи: Чем более ограничен человек, тем более ему свойственно отделять выгоды свои от выгод ближнего его. Чем более он просвещен, тем более способен

Стр. 498, 8 строка снизу. В рукописи: главнейшие суть: [свобода печатания и обнародование всех актов любопытных для народа:] — обнародование

Стр. 499, 15 строка. В рукописи: что правительство [в горделивой надменности своею властью] не сделало

Стр. 500, 9 строка. В рукописи: о законах. [Пусть представит он себе исключительное право непогрешительности; но не нужно ему распространять оное на его предшественников]. Он может

Стр. 500, 25 строка. В рукописи: благомыслящей; [и дополнение полезной свободы печатания. Одним из сих установлений] сим правительство должно [народу, другим] самому себе.

Стр. 501, 18 строка снизу. В рукописи: событиями. [Свобода и просвещение взаимно друг другу содействуют. Свобода облегчает успехи просвещения, а успехи просвещения удаляют от распутий свободу].

Я не вижу

Стр. 501, 16 строка снизу. В рукописи: которое бы [не боялось народа, которое бы] не признавало

БИБЛИОГРАФИЯ

Шиллер в переводе русских поэтов, изд. под ред. И. В. Гербеля

(Первоначально: «Современник» 1857, № 1.)

Рукопись на 6 листах писчего формата, автограф. Много зачеркнутых мест, в тексте рукописи пометки красным карандашом рукою Н. А. Некрасова.

Рукопись имела первоначально иной вид. Ее начало было зачеркнуто и переписано заново.

Стр. 502, 9 строка снизу. В рукописи: и Мон-Сени. «Старичок-Весельчак» — это плоское произведение, написанное нелепыми виршами, должно занимать в истории литературы не менее места, нежели прекрасные произведения того или другого из наших замечательных поэтов, и Федот Кузминов когда-нибудь сделается предметом исследований столь же внимательных, как Пушкин или Гоголь.] серьезных, внимательных исследований [науки], [исторической науки] историка литературы, как репейник или бурьян серьезно и внимательно исследуется естествоиспытателем. Нет, нам нужно

Стр. 503, 8 строка. В рукописи: должна была [оставаться как обыкновенно понимается до сих] представлять не рассказ о развитии [народа в литературном отнош[ении], [в поэтическом и нравственном] литературных понятий

Стр. 503, 12 строка. В рукописи: смысле слова, — но [какое дело науке до людей? Она говорит об] [должна говорить об идеях и фактах, и если факт] что ж из того?

Стр. 504, 22 строка. В рукописи после этих строк идет зачеркнутый отрывок, показывающий, что предыдущие страницы были написаны заново, а первоначально рукопись имела другое начало, после отброшенное автором.

В рукописи: исключительно через переводы.

[Шиллер в переводе русских поэтов. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданные под редакциею Н. В. Гербеля. Часть первая. СПб. 1857.

Дело, задуманное г. Гербелем, очень хорошо само по себе. Из лирических стихотворений Шиллера большая часть переведены на русский язык разными поэтами, и многие переведены превосходно. Г. Гербель решился собрать эти переводы, дополнить свой сборник новыми переводами тех стихотворений, которые еще не были переданы, или не были удовлетворительно переданы на русский язык, и таким образом у него составилось полное собрание всех лирических стихотворений Шиллера в русском переводе.

Мысль издать такой сборник — прекрасна. Мы когда-то говорили, какую] Огромную важность...

Стр. 504, 11 строка снизу. В рукописи: подчиняемся их мысли, но сама по себе эта мысль могущественнее — словом сказать, если на стороне Гоголя

Стр. 505, 6 строка. В рукописи: мы выписали. Направление поэзии, представителем которого был Шиллер, совершенно родное нам, — а между тем

Стр. 505, 10 строка. В рукописи: участником в развитии нашего общества. Чувство справедливой благодарности

Стр. 505, 26 строка. В рукописи: в русском переводе.

[Мысль эта прекрасна. Мы должны настолько же сочувствовать ей, насколько сочувствуем изданию полного собрания стихотворений Лермонтова] [какого-нибудь великого русского поэта, пьесы которого]

Мысль эта прекрасна. Жаль только — мало сказать: «жаль», надобно сказать оскорбительно видеть, что к прекрасной мысли примешалась другая

мысль, мелочная и тщеславная. Мы хотели бы не замечать этой примеси, — неприличной примеси, — но она слишком ярко бросается в глаза. Раскрываем книгу — первая пьеса «Могущество песнопения» — перевод Н. Гербеля. Как это случилось, что г. Гербель является корифеем между всеми поэтами, переводившими Шиллера? Закрываем книгу — и получаем ответ — последняя пьеса «Прощание с читателем» — также перевод Н. Гербеля, г. Гербель, как видите, альфа и омега в сонме поэтов, переводивших Шиллера, они составляют только свиту его, собраны им для того, чтобы прославлять его, уступая ему первенство. Да, это так. Вот вам новое свидетельство. Когда г. Гербель находит несколько переводов одного стихотворения, по его мнению хороших, он помещает все эти переводы один за другим.

Но если какое-нибудь стихотворение переведено самим г. Гербелем, он без церемонии вытаскивает за порог всех своих недостойных соперников и властвует один в красоте своего совершенства.

Это жалкое тщеславие, — пусть нас извинит г. Гербель, — безобразит его издание и делает смешным его самого.

Если б не это жалкое тщеславие, не за что было бы осудить г. Гербеля. Правда, его собственные переводы слабы, — но в том виноват не он, а воля судьбы; притом же, количество его переводов не велико. Правда, что из нескольких переводов одной пьесы, выбирая лучшие, он иногда ошибается.

Стр. 505, 8 строка снизу. В рукописи: не более. Вообще нельзя сказать, чтобы г. Гербель обнаружил много вкуса при составлении своего сборника, — зато он показал много трудолюбия

Стр. 506, 11 строка. В рукописи: таким образом хотя тщеславные претензии самого г. Гербеля на поэтическое первенство в сборнике и заслуживают насмешки, но сборник, им изданный, достоин всякого внимания.

[; — лучший стоит первым, второй по достоинству вторым и т. д. Например, у него напечатано четыре перевода «Дифирамба» — на первом месте — перевод Жуковского, на втором — перевод г. Фета, на третьем — Алферьева, на четвертом — г. Михайлова; или, другой пример, — «Жалобы Цереры», переводы: 1) Жуковского; 2) г. Шевырева; 3) г. Ф. Миллера; или: «Желание», переводы: 1) Жуковского, 2) Губера, 3) г. Струговщикова. Но — когда есть перевод самого г. Гербеля, он с покойным сознанием собственного достоинства расталкивая толпу, становится впереди всех, хотя бы в этой толпе был сам Жуковский, — «Юноша у ручья», переводы: 1) Н. Гербеля, 2) Жуковского. «Раздел земли», переводы: 1) Н. Гербеля, 2) Жуковского.

Как вам это нравится, читатель? Это мы называем наглостью, решительно переходящею всякие границы приличия. Впрочем, г. Гербель еще милостив, когда терпит хотя на втором плане кого-нибудь подле себя, — и эту милость он оказывает только Жуковскому, — если между соперниками г. Гербеля нет Жуковского, он без церемонии вытаскивает их за дверь. Например, пьеса «Могущество песнопения» переведена была шестью поэтами, кроме г. Гербеля, «Дева из чужбины» — семью поэтами, кроме г. Гербеля;] но если какое-нибудь стихотворение

Стр. 506, 2 строка снизу. В «Современнике»: немецких племен. Шиллер хотел доказать в нем, что путь к разрешению общественных вопросов — эстетическая деятельность. По его мнению

Оды Квинта Горация Флакка. Перевод с латинского А. Фета

(Первоначально: «Современник» 1857, № 1.)

Рукопись-автограф, на 2 листах писчего формата, с небольшим количеством помарок.

Стр. 508, 10 строка снизу. В рукописи: «Неверных берегов» — то есть слишком близко к берегу не держись, чтоб не назвали тебя трусом; но и в открытое море не пускайся, — ведь это дело рискованное. Далее говорится

Стр. 508, 1 строка снизу. В рукописи: во всем почти как и Молчалина, — соблюдается.

Стр. 509, 13 строка. В рукописи: поэт житейской мудрости — *но житейская мудрость — не поэзия, а чистейшая проза*. Такое содержание.

Стр. 509, 21 строка снизу. В рукописи: словом *варварски уродовать текст, лишь бы только придать ему такой вид, чтобы читатель*

**«Приключения, почерпнутые из моря житейского»
«Чудодей» А. Ф. Вельтмана**

(Первоначально: «Современник» 1857, № 1.)

Авторская корректура, гранки с карандашной правкой Чернышевского. Статья расположена на корректурном листе между рецензиями на «Записки о южной Руси» Кулиша и сочинение П. Шебальского «Правление царевны Софии». Корректурa помечена 5 декабря [1856]. Рецензия занимает нижнюю половину второго столбца и верхнюю третьего.

Стр. 511, 25 строка. В рукописи: *игривость рассказа, но в сущности натянутое, скучное и при всей своей пустоте, тяжелое хитросплетение*.

Ньюкомы, роман В. М. Теккерея

(Первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Автограф на 5 листах в четвертку. Начало рукописи не сохранилось. Она начинается со слов: «нет, надобно вникнуть в вопрос о том, каково содержание романа (стр. 517, 10 строка) до конца».

Стр. 520, 19 строка снизу. В рукописи: *какое унижительное положение*

Стр. 520, 15 строка снизу. В рукописи: *В прискорбное, в унижительное положение ставит себя*

Биржевые операции, сочинение В. Безобразова

(Первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Автограф на двух листах в четвертку с незначительными пометками.

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Том III

(Первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Рукопись-автограф на двух листах в четвертку. Отрывки текста рецензируемой книги в рукописи отсутствуют, они заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе соответствующих выписок.

Новый опыт о богатстве народном. Г. Каменского. — Сочинения Т. Н. Грановского. Т. II. — Руководство к познанию... законов. Сост. Ф. Проксуряковым.

(Все три рецензии первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Стихотворения Н. Щербины

(Первоначально: «Современник» 1857, № 3.)

Рукопись-автограф на 14 листах разного формата (2 из них — размером в писчий лист, остальные — четвертки). Рукопись писана в несколько приемов, на что указывают пометы Чернышевского: «Щербина — продолжение» (л. 3), «Конец в субботу поутру» (л. 7 об.), «Щербина» (л. 8), «Конец статьи о Щербине» (л. 14 об., по нумерации Ч. 16-й). Стихотворения «Девушка у Харона» и «Просьба весны» в рукописи отсутствуют, вместо них пометка Чернышевского: «Набирать 1) Девушка у Харона, 2) Просьба весны».

Стр. 528, 14 строка снизу. В рукописи: его «Ямбы». Тут все с новым интересом заговорили о г. Щербине, — и действительно нельзя было не заговорить: благородная мысль

Стр. 529, 11 строка снизу. В рукописи: в их происхождении влияние Единственного французского поэта, проникнутого истинною античною] Шенье, насколько [собственное изучение древнего мира], личная симпатия автора

Стр. 530, 1 строка. В рукописи: напряжения мысли. Этим предрассудком уже создавалась репутация многих стихотворцев, стихи которых были не более, как искусным набором холодных слов с подделкою под античную речь. Люди, увлеченные

Стр. 532, 6 строка снизу. В рукописи: «От нее отдалены» и т. д. Что за хитрая просопопея? Как могла

Стр. 533, 14 строка. В рукописи: «Снег чела и краски (?) глаз». (Хитрая метонимия, — ведь глаза Береники, конечно, не были раскрашены, — они имели блеск, цвет, но в них не было красок —) «Но преступною женою»

Стр. 533, 7 строка снизу. В рукописи: ничего не говорит. Невероятно натянутая поэма, невероятно натянутые ситуации и мотивы! И на такую тему

Стр. 533, 4 строка снизу. В рукописи: пример невероятной ухищренности, в которую впадал

Стр. 535, 1 строка снизу. В рукописи: в самой борьбе, — ведь олимпийцы только делают вид, что сражаются, на самом же деле им недоступны страдания и язвы и смерть (то есть по нашему

Стр. 537, 20 строка. В рукописи: провозглашал ее, — он писал ямбы еще с 1845 года.

Стр. 537, 1 строка снизу. В рукописи после слов: «вплощались мысль», приводится стихотворение «Песня века».

Стр. 538, 21 строка. В рукописи:

Хаос жизни нашей
В вечность разовьется».

[Идея остается отвлеченной мыслью, потому остается непоэтичною, холодною, неопределенною]. Поэзия требует

Стр. 538, 8 строка снизу. В рукописи: которые поставили бы его очень высоко между нашими поэтами — мы не знаем, много ли соперников ему нашлось бы тогда. Если ж он не оправдает.

Стр. 539, 6 строка. В рукописи: после 1850 года. Мы выписываем без всяких комментариев — высокая красота пьес, нами приводимых, осязательна для каждого, в ком есть хотя сколько-нибудь чувства поэтической красоты. Девушка у

Стр. 542, 2 строка снизу. В рукописи: Г. Щербина, хотя и ныне бесспорно признаваемый всеми за одного из лучших наших современных поэтов, далеко еще не занял в литературе того места, которое должен занять, судя по силам своего таланта. Он станет гораздо выше

Стр. 543, 5 строка снизу. В рукописи: укоры веку и людям; лично вам это направление кажется одним из самых могучих и благотворных в наше время. Но если

Стр. 544, 1 строка. В рукописи: примирения, которая лично нам или кому-нибудь другому может приходиться менее по вкусу — кто имеет

История Сербии по сербским источникам. Сочинение Леопольда Ранке. Перевод с немецкого Петра Бартенева.

(Первоначально: «Современник» 1857, № 3.)

Автограф на 9 листах в четвертку с незначительным количеством помарок.

Стр. 546, 19 строка. В рукописи: не легко пришлось от них и туркам. [Пропусту говоря, Сербия досталась в руки разбойнико<в>]. Буйные варвары

Русский библиографический указатель за 1855 год

(Первоначально опубликовано в «Современнике» 1857, № 3, стр. 32.)

Рукопись и корректура не сохранились. Печатается по тексту «Современника».

Стихотворения Н. Арбузова

(Первоначально: «Современник» 1857, № 4.)

Автограф на двух листах в полулист писчего формата, помарок немного.

Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского

(Первоначально: «Современник» 1857, № 4.)

Автограф на 11 листах разного формата (8 — в писчий полулист, 3 — на четвертушках).

Стр. 562, 13 строка. В рукописи: и не сделали бы ничего хорошего.

[Сделаем еще предположение. Прежде нежели русская литература начала процветать (благодаря деятельности вашей (по вашему мнению) были в ней честные и даровитые люди, которых слава почему-то кажется вам досадной. Предположим, что вы не только не знаете, но и не понимаете смысла) [Предположим, что вы писали плохие повести — (в этом опять нет ничего преступного) и пр.] Не только для вас

Стр. 562, 19 строка. В рукописи: искусства (ошибочны ваши понятия потому, что проистекли из незнания предмета) — какое заключение

Стр. 562, 20 строка снизу. В рукописи: г. Писемского. Сам себе человек может делать вред, если ему пришла охота; но ставить других в невыгодное положение не годится. Впрочем, по всей вероятности

Стр. 562, 2 строка снизу. В рукописи: что преднамеренность губит поэзию [что художественная красота может быть произведением только самой природы таланта, 2) что [нельзя]] не должно ни чернить, ни белить

Стр. 563, 3 строка. В рукописи: Статья решительно не имеет понятия о критике, против которой вооружается.

Стр. 563, 9 строка. В рукописи: как раз наоборот: гонение на стихи началось именно тогда, когда умолк голос, о котором она говорит: в 1848 году. Пусть автор

Стр. 564, 7 строка. В рукописи: тогда их было мало; [мания на простонародные рассказы овладела] в последующие годы число таких людей

Стр. 567, 1 строка снизу. В рукописи: после будет!» (стр. 173) Интересен также совет, который дает Петр барину о том, что мужика бить необходимо (стр. 174) — неужели наш народ в самом деле дошел до такой порчи нравственной, что сам считает палку неизбежною необходимостью? Начинается история Петра.

Стр. 568, 8 строка снизу. В рукописи: нравы и быт наших поселян в том виде, как изобразил их г. Писемский?

Стр. 569, 6 строка. В рукописи: в темной стороне жизни». Нам кажется, что всякий, у кого есть хотя малейшая частица здравого смысла, должен был бы видеть, что дело вовсе не таково;

Стр. 569, 13 строка. В рукописи: тенденции». Статья не только ничего не знает, она не хочет даже ничего видеть. Таково ли призвание писателя?

Стр. 569, 15 строка. В рукописи: должен ли язык писателя быть выразителем лживых мыслей, которые порождены в нем незнанием, охраняются им в себе добровольным закрытием глаз и ушей на факты, которые так и бросаются в глаза

Стр. 569, 18 строка. В рукописи: в уши? Жалкая измена своему долгу, жалкое самоослепление, которое может быть сравнено

Стр. 569, 21 строка снизу. В рукописи: Покрыты мздой очеса...

*Злодействы (sic!) землю покрывают,
Неправда зыблет небеса!*

*Воскресни, боже, боже правых,
И их моление внемли!
Приди, суди, карай лукавых!*

(Переложение псалма 81-16)

[Это закоснение во лжи происходит не от одного незнания, а также и от испорченности сердца. Искоренить его одним изобличением нельзя: доказательствам теоретического бессилия необходимы еще уроки жизни. Мы понимаем, что книга не может сделать всего дела. Но кое-что она может сделать]. Эту ложь, это закоснение во лжи мы не хотим приписывать испорченности сердца, мы хотим ее приписывать только более извинительной причине — незнанию и проистекающей от незнания кичливости, самоуверенности. Доказать человеку, слишком самоуверенному, что он не имеет понятия о том, о чем надменно вздумал судить и рядить, бесполезно для его исправления.

Впрочем, не довольно того, чтобы стараться об исправлении человеческих заблуждений; надобно стараться также и об исправлении вреда, который заблуждение одного наносит другим, совершенно невинным, людям. От ошибок, порожденных в предполагаемой статье незнанием и самоуверенностью, подвергается опасности г. Писемский.

Стр. 569, 3 строка снизу. В рукописи: нового или оригинального». Вот каким неприятным заключением могут подвергать писателя ошибки другого писателя, который берется судить о предмете, ему неизвестном. Но такое отрицательное заключение

Стр. 570, 3 строка снизу. В рукописи: личностью своего Петра и [всеми силами души презирает его отвратительного хозяина [в «Плотничьей Артели»]; Егор Парменов [в «Лешем»] очевидно] если бы мог стер бы с лица земли

Стр. 571, 16 строка снизу. В рукописи: только в этом крайнем случае. [Из этого] [Нам случалось слышать или читать, что у г. Писемского нет идеала, — это несправедливо, но его идеал] Он не хлопочет о том,

Стр. 571, 14 строка снизу. В рукописи: он жалеет [только о поселянах] только о том, когда бывает неурожай

Стр. 571, 13 строка снизу. В рукописи: не судит существующего; он нападает только на то, что признают вопиющим злоупотреблением самые жаркие приверженцы существующего. Поэтому-то

Стр. 571, 6 строка снизу. В рукописи: едва ли не иначе: «Очерки г. Писемского представляют едва ли не самую мрачную картину действительности из всех, написанных до того времени. Правда, он был бы доволен

Стр. 572, 1 строка. В рукописи: если только писатель добросовестен, то предлагаемый им отчет производит тем более мрачное действие, чем консервативнее взгляд этого писателя. Один, положим,

Стр. 572, 7 строка. В рукописи: в свете гораздо более мрачном: как? — думаете вы, выслушав его: неужели наша действительность такова, что ею возмущаются даже

Стр. 572, 9 строка. В рукописи: взяточничества, признаваемого обычаем? [Неужели мы были бы счастливы, если бы]

(на этом рукопись обрывается).

Записки императорского русского географического общества. Книжка XI.
Записки сибирского отдела русского географического общества. Книжка II.

(Первоначально: «Современник» 1857, № 4.)

Рукопись-автограф на 11 листах с небольшими пометками.

Столетие «Московских ведомостей» (1756—1856). Е. Корша

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1857, № 4, стр. 58—60.

Рукопись и корректура отсутствуют. Печатается по тексту «Современника».

Для легкого чтения. Том V

(Первоначально: «Современник» 1857, № 4.)

Рукопись на одном листе в полулист, разночтений с «Современником» не содержит.

Сочинения В. Жуковского

(Первоначально: «Современник» 1857, № 5.)

Рукопись-автограф на 5 листах в четвертку. Отрывки из Жуковского в рукописи отсутствуют, будучи заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе соответствующих мест из его сочинений.

Стр. 581, 23 строка. В рукописи: в последние годы их жизни. *Вторая сторона, еще гораздо более многозначительная — характер его, как воспитателя ныне благополучно царствующего государя императора. Изложение этой последней, самой великой деятельности Жуковского принадлежит еще будущей истории. Но влияние его, как человека, на наших поэтов отчасти уже доступно изложению и в настоящее время. Четыре дополнительные тома.*

Отчет правления Одесского женского благотворительного общества за 1856 год

(Первоначально: «Современник» 1857, № 5.)

Рукопись-автограф на 15 листах в четвертку. Начало статьи было написано позднее, о чем свидетельствует пометка Чернышевского на первом листе: «Этот лист вставить в самом начале статьи об отчете Одесс [кого] Благотвор[ительного] Обще[ства]». Начало занимает 3 страницы, кончая словами: «несколько слов о различных способах благотворительности». В рукописи дальше идет самостоятельное начало, с заглавием: «Отчет Правления Одесского Женского Благотворительного Общества за 1856 год. Одесса 1857», причем первыми строками являются следующие: «Из различных способов, существующих для облегчения нужд бедного класса» и далее.

Стр. 593, 1 строка снизу. В рукописи: для престарелых и увечных, больниц.

[Все это прекрасно. Но всеми этими обычаями и учреждениями не исчерпываются еще все способы, возможные для общественной благотворительности].

Все это прекрасно

Стр. 594, 3 строка. В рукописи: малозначительными средствами.

В каждом городе нужно благотворительное <общество>, и общий бюджет этих обществ, употребляемый на пособие людям, не имеющим средств к пропитанию, должен состоять не из каких-нибудь двух или трех сот тысяч, а из многих миллионов, чтобы <помочь> хотя не всем [всех яв исцелить ни частная, ни даже общественная благотворительность не может — это задача, разрешимая только государственными законами и изменением житейских

наших обычаев] — но хотя бы значительной части, половине или третьей части людей, не имеющих куска хлеба.

Многое мы заняли у Западной Европы, в ином, пожалуй, даже пересяголяя ее, например — в страстной любви к преферансу, но общественная благотворительность еще так же мало привилась к нашим нравам, как и любовь к книгам.

И не только слишком мало распространена у нас общественная благотворительность: многие отрасли ее совершенно еще не употребительны у нас. Мы до сих пор думаем, что только тому нужно помогать, кто уж решительно не имеет даже черствой корки хлеба, а кто может как-нибудь перебиваться со дня на день, о том уж и заботиться нечего.

В Западной Европе

Стр. 594, 18 строка снизу. В рукописи: других стран, — а как велика наша заботливость сравнительно с заботливостью западно-европейских обществ о своих бедняках, можно судить, например, из того, что, не говоря об Австрии и Франции, в какой-нибудь маленькой Голландии с 3 000 000 жителей лет уже десять тому назад существовало 5 804 учреждений и обществ для вспоможения бедным. Интересно было бы знать, насчитается ли во всей России хотя одна пятая часть этого числа, при населении, в двадцать раз большем.

И пусть не говорят, что у нас число бедняков, по пропорции к населению, менее, нежели в странах Западной Европы, — мы не о том говорим, сколько людей внесено в списки нищих, у нас даже и списков таких нет, мы сами не можем даже приблизительно сказать, сколько у нас нищих, — тысячи, или сотни тысяч, или миллионы. Мы говорим просто о бедных всякого рода — просящих или не просящих милостыню, называющихся нищими или различными наименованиями податных и неподатных сословий, — ведь и французские пролетарии не просят милостыню, и в Англии пролетарии не скитаются под окнами, а работают на полях или на фабриках. Бедных у нас несравненно больше, нежели мы себе воображаем. Общей статистики, на которую можно было бы положиться в этом случае, мы не имеем, — заглянем же в частные описания некоторых областей, чтобы по ним судить о целом. Из этих описаний подробнейшее и достовернейшее — описание Киевской губернии, составленное под редакцию покойного Д. П. Журавского и изданное г. Фундуклеем. Справимся хотя с этою книжою.

Поселянин, который кормится обработыванием своего участка и, однакоже, не имеет скота, чтобы пахать свой участок, конечно, находится в бедственном положении; конечно, в Англии и Франции по всем правам такого поселянина удостоили бы имени пролетария. Киевская губерния, как всем известно, не принадлежит к числу бедных.

Из числа 172 272 семейств поселян Киевской губернии, в положении хозяев которых были получены г. Журавским точные сведения, «городников и бобылей» — то есть поселян, не имеющих рабочего скота, считалось в 1845 году — 24 315 семейств, — это ровно одна седьмая часть всего сельского населения, о котором собраны были сведения, — вывод из этого такой, что числом бедняков мы можем наверное поспорить с Англиею и далеко оставляем за собою Францию.

Основанием для вывода мы взяли земледельческий класс, в котором нищета бывает обыкновенно развита не так сильно, как в городском населении, и однакоже, пропорция у нас оказалась не менее, нежели в Англии, и более, нежели в других государствах, где она относится ко всему населению и где главную цифру бедняков включает в себе городское население. Это не должно казаться удивительным: при меньшей степени образованности очень натурально, что уровень благосостояния у нас гораздо ниже: благосостояние массы народа всегда соответствует степени развития умственной жизни в нации. Но мы начали говорить

Стр. 600, 20 строка. В рукописи: к бедному населению города.

Приходит в голову мысль: разве филантропия не может быть довольно

сильна для того, чтобы хотя одна пятидесятая часть огромного количества миллионов, праздно лежащих в наших банках, была переведена на такого рода постройки? Ведь тут ни пожертвований, ни хлопот ровно никаких не требуется от владельцев таких капиталов, — не все равно для них получать проценты из банка или из общества, кредит которого гарантируется всеми его членами, то есть всеми почетными и богатыми людьми провинции? Ведь эти благотворительные капиталисты могли бы даже спокойно забыть и даже вовсе не знать, что они сделали из вкладчиков банка благодетелями человечества, — ведь они и не знают обыкновенно, что такое банк и какая разница между банком и благотворительным обществом, — они знают только, что из какого-то непостижимо мудреного «ломбарда» получают с каждой отданной тысячи по 40 рублей в год, — для их успокоения можно было бы благотворительное общество <назвать> «Ломбардом», и дело было бы кончено: Ломбард так Ломбард, ну и стали бы они отдавать в него свои деньги.

Но нет, хотя они и не в состоянии сказать, чем отличается настоящий ломбард от того ломбарда, который строит дома для бедных горожан, но все-таки нельзя, вероятно, никакими силами обратиться на что-нибудь полезное хотя часть праздных наших капиталов. Потому надобно сказать о средствах к уменьшению расхода бедняков на квартиры без всяких затрат со стороны благотворительного общества единственно силою его участия.

При малочисленности нанимателей

Стр. 601, 10 строка снизу. В рукописи: до срока), которая в наших провинциях не может быть менее, а напротив почти всегда более 10%; кроме того.

Стр. 605, 1 строка. В рукописи: нуждающемуся классу горожан по трем из числа важнейших статей расхода бедняков.

(На этих словах статья в «Современнике» заканчивается).

Статистические труды. И. Ф. Штукенберга. Статья I

(Первоначально: «Современник» 1857, № 5.)

Рукопись на одном листе в полулист, автограф, почти без помарок. Содержит незначительные разночтения, которые нами не приводятся.

Труды комиссии при университете Св. Владимира

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись, представляющая собою автограф, сохранилась только в количестве двух листов размером в полулист, заключающих в себе конец статьи, начиная словами: «Не менее натурально и то, что другие лица того же класса», до конца. Разночтений и выпущенных мест в тексте этих листов не имеется, за исключением цифровых.

Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России. Сочинение Александра Шипова. Отдел I

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись на 6 листах в полулист. Первые три листа писаны рукою Чернышевского, остальные — тою же неизвестною рукою, что и «Заметки о журналах, май 1857». Текстов Журавского в рукописи не имеется, они заменены соответствующими указаниями Чернышевского для типографии о наборе отмеченных им страниц.

Стр. 616, 3 строка. В рукописи: мы осуждаем вас безусловно [как человека неблагонамеренного, и провозглашаем вас защитником всяких стеснительных мер и противником национальных интересов].

У нас вообще очень мало развита терпимость мнений.

О свободной международной торговле. А. Сербера-Медельгейма

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись на одном листе в полулист, писана тою же неизвестною рукою, что «Заметки о журналах, май 1857» и рецензия на сочинение А. Шипова «Хлопчатобумажная промышленность». Разночтений с печатным текстом почти не имеется, за незначительностью они не воспроизводятся. На первом листе заметка Чернышевского: «Эту статейку надобно поместить в одной книжке с предыдущею статьею о книге Шипова, потому что они связаны между собою».

Путешествие по Восточной Сибири. И. Булычева

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись на одном листе в полулист, писана тою же неизвестною рукою, что «Заметки о журналах, май 1857», почти без разночтений с печатным текстом. За незначительностью они не приводятся нами.

Статистические труды И. Ф. Штуккебэрга. Статья II... Статья III.

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись на одном листе в полулист, писана на обороте рецензии на «Путешествие по Восточной Сибири» И. Булычева, тою же неизвестною рукою, что рецензия и «Заметки о журналах, май 1857».

Разночтений с печатным текстом нет.

Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулища

(Первоначально: «Современник» 1857, № 8.)

Рукопись на 39 листах в полулист, за исключением четырех листов, написанных на четвертушках. Рукою Чернышевского написана почти половина статьи, остальное — посторонней рукою, принадлежащей тому же лицу, которым были написаны под диктовку Чернышевского «Studien» Гакстгаузена и ряд других статей. Тексты писем Гоголя в рукописи по большей части отсутствуют и заменены указаниями Чернышевского к типографии о наборе соответствующих выписок. Выписки, имеющиеся налицо, использованы нами для вставок в текст.

Стр. 627, 6 строка. В рукописи: и «Развязка Ревизора».

Вот, например, эпизод о дивном наставнике Тентетникова в первоначальной редакции.

«В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то живой, то задумчивый. Счастливым или несчастливым случаем попал он в такое училище, где был директором человек, в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды. Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека и знал язык, которым нужно говорить с ним. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом; напротив, даже после строжайшего выговора чувствовал он какую-то бодрость и желал заглядить сделанную пакость и проступок. Толпа его воспитанников с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одна слишком была сильна в этой вольнице. Не было проказника и шалуна, который бы не пришел к нему сам и не рассказал всего, что ни проказил. Малейшее движение их помышлений было ему известно. Во всем поступал он необыкновенно. Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбие. Честолюбие называл он силою, толкающею вперед человека, — без которой не подвигнешь его на деятельность. Многих ревостей и шалостей он не удерживал вовсе и в первоначаль-

ных резвостях видел он начало развития свойств душевных. Они были ему нужны за тем, чтобы видеть, что такое именно таится в ребенке. Так умный врач глядит спокойно на появляющиеся временные припадки и сыпи, пока-зывающиеся на теле, не истребляет их, но всматривается внимательно, желая узнать достоверно, что заключено внутри человека.

Учителей у него было не много: большую часть наук читал он сам, и надо сказать правду, что, без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора, он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, что, узнав ее, он узнает тогда сам, чем должен заняться преимущественнее.

Эту-то науку жизни сделал он предметом отдельного курса воспитания, в которой поступили только одни самые отличные. Малоспособных выпускал он на службу из первого класса, утверждая, что их не нужно много мучить, что довольно для них, если приучить быть терпеливыми, работающими исполнителями, не приобретая заносчивости и всяких видов вдаль. «Но с умниками, но с даровитыми мне нужно долго повозиться», обыкновенно говорил он. В этом курсе [был] совершенно другой Александр Петрович и с первого разу возвещал, что доселе он требовал от них простого ума, теперь потребует ума высшего, — не того ума, который умеет подтрунивать над дураком и по смеяться, но умеющего вынести всякое оскорбление. Здесь-то стал он требовать того, что другие требуют от детей, — спустить дураку, не раздражаться. Это-то называл он высшей степенью ума. Сохранить посреди каких бы то ни было огорчений высокий покой, в котором вечно должен пребывать человек, — вот что называл он умом. В этом-то курсе Александр Петрович показал, что знает точно науку жизни. Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает впереди человека на всех поприщах и ступенях государственной службы и частных занятий. Все огорчения и презрады, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, собирал он перед ними во всей наготу, не скрывая ничего. Все было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званиях и должностях. Словом, чертил он перед ними во все не радужную будущность. Странное дело! оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! это чудное слово, так знакомое Руси, производящее такие чудеса над русским человеком, — то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алка действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое в их жизни. Александр Петрович делал с ними всякие опыты и пробы, наносил им то сам чувствительные оскорбления, то посредством их же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнее. Из этого курса вышло не много, но эти немногие были крепкие, были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда, как многие, гораздо их умнейшие, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили все или же, обезумев и опустившись, очутились в руках взяточников и плутов. Но воспитанные Александром Петровичем не только не пошатнулись, но познанием человека и души возымели высокое нравственное влияние даже на взяточников и дурных людей.

Но этого учения не удалось попробовать Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс, как один из самых лучших, — вдруг несчастье: необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, скоропостижно заболел и умер».

Мы отметили кавычками те места, которые изменены во второй исправленной редакции.

«Казалось, все клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненного [сложения], попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитатель, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как он знал свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать их! Не было у него и речи к ним о хорошем поведении. Он обыкновенно говорил: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою». И точно шалость исчезала сама собою, как ни казался на вид резво его шалун. Презренье товарищей подвергался тот, кто не стремился быть [лучше]. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. Малейшее движение их помышлений было ему известно. Кажется, как бы он и не глядел, но, как сокрытый мозг из недоступной, сокровенной сени, следил он все наклонности и способности их, и потому многих резвостей он не удерживал вовсе, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпн врачу за тем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Как любили его все мальчики! Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни даже в безумные годы безумных увлечений не бывает так сильна неугасаемая страсть, как сильна была любовь [к нему]. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего во[спитателя], уже давно бывшего в могиле, закрывал глаза и лил слезы...

Множество всяких сведений и предметов он считал делом излишним и мешающим самобытному развитию ума. У него больше было отдано времени для занятия в саду ручными ремеслами, укрепляющими тело.

Малоспособных он не держал долго: для них у него был коротенький курс. Но способные должны были у него выдержать двойное учение, и последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях [х]. Тут только он требовал от воспитанника всего, чего иные неблагоразумно [требуют] от детей, — того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, слушать дурака и не раздражиться, не выйти из себя, не мстить ни в каком [случае] и пребывать в гордом покое невозмущенной души; и все, что способно образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действие и он сам делал с ними непрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наук читал он сам. Без педан[т]ских терминов, напыщенных воззрений и взглядов, он умел передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна. Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла из рассказов о том, что ожидает юношу впереди, и весь горизонт его поприща умел он очертить так, что юноша, еще находясь на лавке, мыслями и душой жил уже там на службе. Все огорчения и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, собирал он перед ними во всей наготу, не скрывая ничего. Все было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званиях и должностях. Оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: в п е р е д ! ! Это слово, знакомое русскому человеку, производящее чудеса над его чуткой природой, — но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать там, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души. Не многие выходили из этого курса, но зато эти немногие были крепкими, были обкуренные порохом люди в службе. Они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, гораздо их умнейшие, не вытерпев, из-за мелочных

личных неприятностей бросили все или же, осовев и обленившись, очутились в руках взяточников и плутов. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь и человека, и мудренные мудростью, возымели сильное влияние даже на дурных людей.

Как поразил этот чудный наставник еще в отрочестве Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбивого мальчика должно билось при одной мысли, что он попадет на высший курс, и шестнадцати лет Тентетников, выперевший своих сверстников, был удостоен перевода в этот высший курс, как один из самых лучших; и сам тому не верил. Что казалось могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тентетникова! Но нужно же, чтобы в это самое время, когда он переведен был в этот курс избранным, чего так сильно желал, необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, заболел и скорострительно умер!»

Читатель заметит, что все напыщенные фразы усилены и распространены Гоголем во второй редакции. Что это замечание прилагается не к одному эпизоду, а ко всему сохранившемуся отрывку второго тома, читатель увидит, сравнив еще эпизод о дивной русской девице, которой подобных не найдется, по мнению Гоголя, в других странах. Вот первоначальная редакция:

«Генерал жил генералом, хлебоисолом, любил; чтобы соседи приезжали извешивать ему почтение, сам, разумеется, визитом не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо невиданное, странное, которую скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением, чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновидением, — действительность для него пропадает навсегда, и он решительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портрет ее. Это было что-то живое, как сама жизнь. Она была миловидней, чем красавица, — лучше, чем умна, — стройней, воздушней классической женщины. Никак нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечаток, потому что [такого] профиля и очертания лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камнях. Как в ребенке, воспитанном на свободе, в ней было все своевольно. Если бы кто увидел, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с своим отцом, он бы подумал, что это было капризнейшее создание. Но гнев у нее бывал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестоком поступке с кем бы то ни было. Но вдруг исчезнул бы этот гнев, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась! Как бы вдруг бросила она ему свой кошелек, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себе платье для перевязки, если бы он был ранен. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслед за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движение рук, самые складки платья как бы летели в ту же сторону, и, казалось, как бы она сама вот улетит вслед за собственными словами. Ничего не было в ней утаенного. Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никогда сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что все ей уступило бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел; а добрый, даже самый застенчивый, мог разговариваться с нею вдруг, как с сестрой, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее, что случилось это во дни незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы, и после того как-то становился ему скучным разумный возраст человека».

Вот исправленная редакция:

Неуместный и неловкий идеализм

Стр. 627, 14 строка снизу. В рукописи: до издания записок о его жизни, принимая на веру разные темные слухи о каких-то привычках, вредных для здоровья, будто бы усвоенных Гоголем; мы знаем, что болезнь его, происходившая главным образом от геморoidalного расположения и от хронического расстройства желудка, не нуждается ни в каких предположениях для своего объяснения. Все эти сведения

Стр. 629, 23 строка. В «Современнике»: Впрочем, к чему нам ходить далеко? Такие случаи бывают везде и всегда. С другой стороны, еще чаще

Стр. 629, 3 строка снизу. В рукописи: путем соображений.

Мы избираем странный способ. [Как археологи стараются разгадать образ жизни и характер понятий какого-нибудь древнего племени по каким-нибудь развалинам, по каким-нибудь обломанным утварям, выкапываемым из земли, так мы хотим —]. Как историки, занимающиеся древностию, стараются отгадать образ мыслей и характер стремлений какого-нибудь Лициния Столона или Ливия Друза, по соображению обстоятельств, среди которых он жил, с темными отрывками его речей, отрывками, искаженными и обрванными по произволу, так мы хотим отгадывать характер и образ мыслей человека, умершего всего пять лет тому назад, человека, которого лично знали тысячи людей, которых мы можем расспрашивать о нем. Но что же делать, если до сих пор эти люди не сказали нам почти ничего такого, что могло бы дополнить пробелы, оставляемые его письмами, а письма не дают материалов для составления определительного понятия о важнейших чертах его умственной жизни? До сих пор мы знаем о Гоголе едва ли больше, нежели о каком-нибудь Лицинии Столоне, хотя биографические материалы о Лицинии Столоне составляют всего несколько страниц, а об Гоголе несколько толстых томов. Что же делать, если современная история нашего общества и его значительнейших деятелей до сих пор остается для нас так же темна и загадочна, как история каких-нибудь бактерий или парфов? Поневоле надобно прибегать к догадкам и соображениям. Догадки и соображения никогда

Стр. 630, 8 строка. В рукописи: среди которых жил.

И в этих соображениях мы редко можем руководиться прямыми фактами, а большую часть должны будем создавать идеальные типы, которые, быть может, и не выразались в отдельных личностях и которые нам просто будут служить вымышленными представителями различных элементов современного общества в различных его кружках. За недостатком сведений о действительной жизни Гоголя, мы хотим составить нечто вроде вымышленного рассказа о том, каков мог быть характер кружков, вовлекавших в себя Гоголя: пусть читатели смотрят на эту часть нашей статьи, как на отрывок из романа. Мы не будем много говорить

Стр. 631, 9 строка снизу. В рукописи: не все это и хорошо.

Кроме Пушкина, мы не знаем никого из людей, приблизивших к себе Гоголя в ту эпоху; мы можем только, перечитывая «Северные цветы» и «Литературную газету», воображать себе различные олицетворения тех или других статей, тех или других стихов.

Вот, например, стихишки, из которых возникает перед нами образ человека, когда-то бывшего нелишним разгула в характере, но доканчивающего растрату этого разгула в довольно грязных пирушках, человека, у которого воображение развращено еще больше, нежели чувства, у которого среди бутылок и женщин изношенное сердце билось бы апатически ровно, если бы он не разгорячал себя искусственным насилующим воображения. Он циник в жизни, но на словах он гораздо развратнее, нежели на деле, потому что чувства его уже утомлены, а фантазия все еще усиливается раздражать их. Когда-то был он и здоров и боек, теперь мало в нем уже осталось и бойкости и здоровья. Грязь, в которой он купался, была так груба, что осквернила только его чувства и фантазию, не коснувшись его убеждений: в частной жизни он остался чистен, но твердым убеждения некогда было образоваться в нем: пока сохранял силу его ум, он думал только о женщинах и вине; когда

совершенно начнет он изнемогать от преждевременных старческих болезней, он будет ханжить за недостатком другого материала для серьезных мыслей.

Вот другой тип: трудно отозваться об этом человеке дурно, потому что, и дурные качества его [если они есть в нем] расплываются какими-то неопределенными пятнами, как и хорошие качества [если они есть в нем] испаряются каким-то туманом тепловатого свойства. Есть в нем ум? По всей вероятности, он мог бы быть хорошей нянькой, если б надеть на него юбку: он может сказать маленькому мальчику, что до зажженной свечки не надобно дотрагиваться, чтобы не обжечь пальчик, и не надобно слишком быстро бегать, чтобы не ушибить ножку. На это у него хватит ума. Есть ли в нем душа? Это неизвестно, но есть какой-то пар, в изрядном количестве поднимающийся куда-то вверх. Есть ли в нем честность? Это не подлежит никакому сомнению, но он умеет чрезвычайно мило устраивать свои дела так, что ему очень тепло и спокойно жить на свете. Едва ли когда-нибудь испытал он в жизни хотя одну неприятность, но часто он о чем-то плачет, причем лицо его сохраняет совершенно спокойное, почти радостное выражение. Кроме шуток, это очень хороший человек, с ним даже можно очень приятно поговорить: он всегда так любезен и кроток; предметы разговора тоже не лишены интереса, например: что тяжелее перенести: смерть милой или измену милой?

Но вот еще стишки. О, я очень люблю таких людей. Если бы весь род человеческий состоял из таких людей, ни одного преступления, даже ни одного дурного поступка не совершалось бы на земле. Этот человек мой идеал, идеал многих, которые гораздо умнее меня и его и в миллион раз талантливее нас. Он не богат ни умом, ни талантом, но мы все уважаем его ум и хвадим его таланты. Я часто дивился тому, как иные люди умеют пользоваться на благо себе [и другим, если благо других нужно для устройства их собственных делишек] теми скудными средствами, какие дала им природа, рассчитавшая, что и малою для этих людей очень довольно. Вы, вероятно, читали Шекспира, но признайтесь, никто не дал вам ни чина, ни другой какой награды за то, что вы читали Шекспира; а вот этот господин только слышал о том, что есть Шекспир, прочел всего только две сцены из Гамлета в переводе Полевого и половину сцены из Отелло в переводе Г. Ротчева, и он так ловко умеет изворачиваться этими познаниями, что все считают его великим знатоком Шекспировой поэзии, и даже какой-то меценат выхлопотал ему место столоначальника за то, что он человек ученый. Судите же, каких бы степеней достиг он, если бы, подобно вам, прочел всего Шекспира! Вы, читатель, вероятно, в состоянии сообразить, что не только $2 \times 2 = 4$, но и $5 \times 5 = 25$, однакож никто не считает вас за то гениальным человеком и никто не советуется с вами, как с оракулом; он умеет считать только до десяти, как те островитяне, которые живут где-то на Тихом Океане; сообразить, что $5 \times 5 = 25$, на это уже нехватит у него способностей; он может сообразить только, что $2 \times 2 = 4$, но соображает это с таким глубокомыслием, с такою основательностью, что пользуется авторитетом человека с большим умом, и другой меценат выпросил ему производство из столоначальников в начальники отделения, как человеку замечательных дарований. Но особенно славится он качествами своего сердца. Вероятно, вам случалось помогать кому-нибудь, хлопотать о ком-нибудь, и никто не считает вас за это человеком необычайной доброты — конечно, потому, что ваша доброта чужда расчетам; вы оказывали услуги людям просто потому, что вам приятно сделать кому-нибудь что-нибудь хорошее. Он в сущности никогда не хотел ни для кого ничего сделать; но иногда по его расчетам оказывалось выгодно приобрести расположение такого-то или такого-то человека, и он был необычайно услужлив и обязателен относительно этих людей: он был с ними идеалом внимательности, сочувствия, услужливости, нежности и т. д. и потому-то справедливо считается он Пиладом всех знаменитых Орестов, дружба которых могла быть ему полезна. На жизни его нет ни малейшего упрека: он всегда был неизменно добр, любезен, обходителен и

честен. Последнее качество заслуживает в нем особенной похвалы: в самом деле, какие усилия, какая напряженная внимательность к самому себе нужны были ему при его характере, чтобы ни разу не преступить законов чести.

Нашему воображению открывается новый горизонт, фантазия увлекает нас в иную сторону, к другим поэтическим образам. Известность писателя расширяется, он приобретает новых друзей. Прежние типы не заключали в себе никаких материалов, способных обнаруживать влияние на убеждения человека. Теперь нам предстают новые образы с большим умственным содержанием.

Странен человек, с которым мы знакомимся прежде других в новой главе нашего романа. Он человек действительно ученый, действительно трудолюбивый, действительно любящий науку; но с этими качествами соединяется в нем чрезвычайное умение пользоваться своей наукой иногда для приобретения огромной дома за ничтожную цену, иногда для приобретения огромной суммы за продажу ничтожного дома. Но это вещь посторонняя; мы хотим говорить об убеждениях. Есть у него убеждения в сущности честные и благие; но странна форма, в которой высказываются эти убеждения, эта форма — панегирик: мы лучше всех, все дрянь по сравнению с нами, мы одни добры, все другие — эгоисты, он хочет добра, но ждет этого добра не от людей, желающих добра, а от людей, преследующих все добро; вероятно, он думает и в области идей так же провести, как в области житейских сделок, разница только та, что здесь он под видом дурного товара хочет дать нам хороший, а там под видом хорошего давал дурной. Сношения с этим человеком могут быть очень опасны для ума, неуспевшего еще приобрести прочных убеждений: он приучит вас многое хорошее считать дурным, потому что оно не наше, он приучит вас восхищаться многим дурным, потому что оно принадлежит нам. Его отрывистая речь чрезвычайно темна, его заключение обыкновенно противоречит посылкам, факты, которыми он подтверждает свою мысль, обыкновенно противоречат ей. Например, он говорит, что надобно преклоняться перед русским земледельцем, и тут же прибавляет, что грубость нравов и невежество — отличительные качества этого земледельца; он прибавляет, что надобно искоренить невежество, и тут же бранит все те средства, которыми искореняется невежество. Странен этот человек, но он умен [хотя это и кажется неправдоподобным] и каковы бы ни были его недостатки, как честного человека, он хочет добра своей родине [хотя хвалит все то, в чем причина ее бедствий].

Дурно то, что у него есть — мы не знаем, как назвать это отношение — не то друзья, не то прислужники, не то ученики, которые из всех его разноречивых слов выбирают только те, которые лживы или туманны, и строят из них какую-то дикую систему самохвальства. Вот один из них: он совершенно бездарен, но по какому-то капризу природы имеет способность говорить чрезвычайно витиеватые речи, так что приобретает имя русского Демосфена; он не может надлежащим образом связать двух мыслей и, однакоже, постоянно строит глубокомысленные теории; он совершенно лишен здравого смысла, но он прочел множество книг, и люди неученые воображают его великим мыслителем, не будучи в состоянии понимать его речи. Отуманенные пыльным набором громких слов и мелочных фактов, они добродушно полагают, что непонятность его речи происходит от слишком большой мудрости ее. Все это было бы еще не так вредно, если б не примешалось неизмеримое и чрезвычайно раздражительное тщеславие, которое заставляет нашего ученого осуждать всякую мысль, которая произнесена человеком, непризнающим его гениальности. Он делает себя главою школы и в этом качестве проповедует убеждения, прямо противоположные всему тому, что говорится его врагами, а врагами своими он считает всех тех, кому здравый смысл и избыток честности не позволяет преклоняться перед ним. Таким образом, составляется у него образ мыслей, очень похожий на системы Де-Местра, Бональда, Баадера, Шталя, с тою только разницей, что у тех людей

была логика, а у него логика точно такова же, как у знаменитого Эккартсгаузена. Если мы предположим, что в общество, состоящее из таких элементов, вошел человек

Стр. 631, 1 строка снизу. В рукописи: взглядами на государственные дела?

[Все, что мы говорили до сих пор, разумеется нимало не относится к кружку, в который вступил Гоголь, познакомившись с Пушкиным. Петербургские литераторы, участвовавшие в] [Можно не соглашаться]

Мы вовсе не хотим сказать, что в том кругу литераторов, к которому прикнул Гоголь, были люди, сколько-нибудь походившие на то или другое из фантастических лиц, нами изображенных: напротив, было бы очевидною нелепостью предполагать возможным существование людей, подобных призракам, нами изображенным. Мы хотели только представить олицетворение некоторых элементов, иногда встречаемых в обществе. Но мы совершенно забыли о развитии характера Гоголя под влиянием общественной обстановки.

Привычки, утвердившиеся в обществе,

Стр. 633, 19 строка. В рукописи: его внимания, тем менее приходится ему в голову сравнивать нашу обстановку с какою-нибудь другою обстановкою. Виноват ли он

Стр. 634, 21 строка. В рукописи: удавалось ему слышать среди разговоров или односторонне-артистических или совершенно пустых? Наконец, каким образом

Стр. 635, 7 строка. В рукописи: решительно невозможно. Все люди, бывшие в то время близкими к Гоголю, были исполнены враждою к критике молодого поколения и с презрительною враждою говорили о ней.

Надобно заметить еще одну черту, отличавшую кружок, в котором прошла литературная молодость Гоголя. Он был очень исключителен, более, нежели какой-нибудь другой кружок, со смерти Пушкина он не принял в себя ни одного из новых талантов; сам Лермонтов, хотя по своему общественному положению и занимал почетное место в большом свете, не был удостоен большой благосклонности от этого кружка. Тем менее мог думать Гоголь о литературном сближении с людьми, вовсе не отличавшимися блестящим происхождением. «Но сам Гоголь вовсе не был знатен родом». Так; но принятие в кружок было своего рода отличием, <для> удостоенных этой почести более важным, нежели все прежние титулы. Но главное, с 1836 года

Стр. 635, 11 строка снизу. В рукописи: сознательное мирозерцание. Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель может считать, пожалуй, романом, лишенным всяких фактических оснований, априорическим построением жизни человека, о жизни которого мы не имеем никаких сведений, кроме того, что он был русский, был одарен очень сильною натурой и гениальным умом и жил в известное время; что наши гипотезы читатель может считать построенными единственно на основании общих данных, более или менее относящихся к каждому умному человеку, родившемуся около 1810 года и заброшенному судьбой в Петербург, и не в частности на основании фактов, известных о Гоголе. Но если наши гипотезы придуманы и без всякого отношения к жизни Гоголя в частности, то они, по какому-то счастливому случаю, очень точно соответствуют с теми свидетельствами, которые оставил о себе Гоголь в «Авторской исповеди». Мы приведем из этой статьи одно место, переводя, где нужно, на обыкновенный язык ту эксцентрическую речь, к которой привык Гоголь в последние годы своей жизни. «Причина той веселости,

Стр. 636, 3 строка. В рукописи: том III, стр. 500).

[Гоголь тут воображает, что высказывает о себе что-то необыкновенное; невероятное, — и многие, обманувшись странною формой его признаний, не поверили ему; а в самом деле, душевная тоска очень часто бывала уделом комических писателей; Сервантес писал «Дон-Кихота» вовсе не в веселом рас-

положении духа; шутка на словах и на бумаге очень часто бывает только средством разогнать грусть, стесняющую сердце. Гоголь свою тоску приписывает болезни, — действительно, он с самой молодости жалуется в письмах на плохое здоровье, и болезнь могла служить!

Гоголь тут воображает

Стр. 636, 15 строка снизу. В рукописи: плутни провинциальных чиновников. [С тех пор как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но и над самым человеком, в котором заключен недостаток, и не только над всем человеком, но и над местом, над самою должностью!] [«Быть может, с годами и потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула бы, а вместе с нею и мое писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однакож, поразило его больше всего, мною прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этою способностью не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!» Вслед за этим начал он представлять мне мое слабое сочинение, мои недуги, которые могут прекратить жизнь мою рано, привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за «Дон-Кихота»]

Стройные и сознательные убеждения

Стр. 650, 12 строка. В рукописи: Сокрушила борьба и т. д. известная история. Жизнь! Зачем же собой

Стр. 650, 14 строка снизу. В рукописи: Но это все не то. Дело в том, что если нарушал Гоголь

Стр. 656, 14 строка. В рукописи: он действовал вообще по внушению искреннего увлечения, а не по расчетливому

Стр. 656, 24 строка снизу. В рукописи: увидели в нем меланхолика, о причинах этой меланхолии, будто бы ненатурально овладевшей Гоголем, который прежде будто бы имел характер очень веселый, распространились догадки пошлые и нелепые, — недавно один из русских литераторов не устыдился высказать их в печати, будто факт достоверный. Мы уже привели

Стр. 663, 19 строка. В рукописи: тяжелая тоска. [Каждый из нас встречал таких людей, не молоком, не водою налиты их жилы. Они могут быть веселыми людьми, если богаты какими-нибудь ощущениями, — все равно, приятными или тяжелыми] [Еще в детстве на них лежит особая печать: этот мальчик, если он не одушевлен порывом самой живой веселости, если он среди игры самым неугомонным шалуном, сидит задумчив, будто тяжело ему сидеть; эта...] Таким людям не всегда безопасны

Стр. 663, 25 строка. В рукописи: То же бывает и в отношении идей. [Большинство людей очень благородно рассуждает о патриотизме и очень благообразно обходит пропасть —] Человек «разумной середины»

Стр. 663, 28 строка. В рукописи: Но Гоголь был не таков. [«Если верить, то верить», стало девизом его]. С ним нельзя было шутить идеями.

Мертвые души, окончание повмы Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова» Ващенко-Захарченко

(Первоначально: «Современник» 1857, № 8.)

Рукопись-автограф на 4 листах в полулист.

Стр. 666, 5 строка. В рукописи: невежеством поддельщика, прорехами его фризовой шинели, нетрезвым состоянием, в котором он находился, и тому подобными обстоятельствами. Но книга

Стр. 666, 8 строка снизу. В рукописи: г. Ващенко-Захарченко не нуждался в полтиннике, а бил на сотни целковых, видно, что он имеет некоторое понятие

Очерк русского вексельного права, чтения Д. И. Мейера

(Первоначально: «Современник» 1857, № 8.)

Рукопись-автограф на 3^{1/2} листах в четвертку (половина последнего листа оторвана) содержит незначительные разночтения, не приводимые нами, за исключением следующего:

Стр. 671, 1 строка. В рукописи: («Русская беседа» 1857, № 2).

[Читая рассказ его, вы видите, что этот Журавский, столь усердно исполнявший вовсе не блестящие обязанности своей вовсе неважной должности, мог бы быть соперником Роберта Пиля, если бы родился в Англии]. Другой такой человек —

О погашении государственных долгов. Сочинение Александра Запасника

(Первоначально: «Современник» 1857, № 8.)

Рукопись на 8 листах в полулист писана неизвестною рукою со вставками самого Чернышевского. На полях первого листа пометка Чернышевского для типографии: «Заметок о журналах не будет, если набирается Григорович».

Стр. 673, 6 строка. В рукописи: отправляемых натурою, и т. д.; не меньше интересно представляет и дело о государственных расходах: вопросы о жалованьи, о войске, о пенсиях и других натрдах за службу и проч.; при сравнении государственных доходов с расходами и с общим национальным доходом представляются опять многие вопросы очень интересные. Что же за охота была г. Запаснику выбрать для своего исследования тему самую сухую? Следуя в своих суждениях

Стр. 675, 4 строка снизу. В рукописи: Штатов, Пруссии и нашего отечества. «Но арендаторы

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ. Декабрь 1856

(Первоначально: «Современник» 1857, № 1.)

Рукопись-автограф на 9 листах писчего формата, со множеством помарок. Орывки текста рецензируемых книг отсутствуют в рукописи, они заменены соответствующими указаниями Чернышевского к типографии о наборе отмеченных им страниц. На полях рукописи имеется редакционное исправление И. И. Панаева. После слов «Вы не верите?» дальнейшая фраза: «Извольте слушать» вычеркнута, и рукою Панаева вставлено на полях: «Но нет, г. Великосельцев говорит не в шутку».

Имеется также корректура, которая с поправками И. И. Панаева воспроизведена в качестве иллюстрации в книге «Тургенев и круг «Современника». Л. 1930.

Стр. 682, 2 строка. В рукописи: преждевременно. [Тот ошибся бы, кто захотел бы определить направление его севастопольских рассказов по первому из них, — только во втором вполне раскрылась идея, которая в первом являлась лишь одною своею стороною. Так и общая идея поэзии гр. Толстого до сих пор обнаружила еще только некоторые свои стороны, — даже те, которые уже раскрылись, могут явиться в новом свете, когда совершенно обнаружится отношение их к общему характеру его направления. Итак, оставим пока в стороне вопрос об идее рассказа, помещенного в «Отечественных записках», и взглянем только]. Тот ошибся бы, кто захотел бы

Стр. 686, 6 строка снизу. В рукописи после слов «кончину Гоголя» имеется карандашная пометка Н. Г. Чернышевского: «Конец ныне часов в 5 вечера».

Стр. 690, 4 строка снизу. В рукописи вместо текста из «Отечественных записок» пометка Чернышевского: «№ 3 — выписка из «Отеч[ественных] записок» «Посл[едние] дни Гоголя». [Смерть слишком ясно для всех до-

казала пагубность увлечения, которому преданся Гоголь; если действительно он умер жертвою] [странного] [направления своих мыслей, то нет надобности ныне доказывать, что это настроение было заблуждением. Но и в самом заблуждении какую высокую сильную натуру он обнаружил! Сотни и тысячи людей твердят на словах то же самое, что говорил Гоголь в последнее время! [твердят о бренности и, однакоже, остаются живы и здоровы, кушают на славу, даже пьют на веселье. Гоголь был не таков].

Стр. 691, 4 строка. В рукописи: высокая и сильная натура. [Сотни и тысячи людей поддаются, на словах, тому же самому заблуждению, жертвою которого был он, — и однакоже все остаются живы и здоровы. Кушают, и даже, если есть в темпераменте наклонность к тому, пьют на славу, — слова у них остаются словами, а жизнь идет сама по себе. Смерть Гоголя доказала, что у него было не так: когда ему вздумалось, что надобно морить себя голодом, он уморил себя, оставаясь до конца верен своей мысли]. Какое жалкое

Стр. 691, 7 строка. В рукописи: этого человека. [Да, что даром проходит, даже идет на доброе здоровье дюжинным натурам, за то дорого расплачиваются избранные натуры.] Мы нашли

Стр. 691, 20 строка. В рукописи: в четвертой книге «Русской беседы», — [объясним только читателям, вероятно уже забыв] [надобно только объяснить читателям, в чем дело. Когда явился первый номер «Русской беседы», «Современник» старался объяснить, что в существенных, положительных вопросах, — например, в вопросе о потребности больше и лучше и большему числу людей учиться, нежели сколько людей ныне учатся и на сколько учатся и т. д., и т. д. — что во всех этих существенных вопросах между славянофилами (образованными) и всеми другими образованными людьми нет разногласия] [гораздо менее разногласия, нежели] [а начинается разногласие только тогда, когда речь пойдет об отвлеченных вопросах, имеющих довольно мало важности, лишь бы только в тех, главных и живых, вопросах было согласие], — автор письма выражает

Стр. 693, 13 строка. В рукописи: интересных фактов. [Если <бы> славянофильство ограничивалось пламенным сочувствием к судьбам западных славян, конечно все образованные люди должны были бы называться славянофилами]. Этот перечень.

Стр. 693, 17 строка. В рукописи: много дельных страниц. [Вообще, кто захочет беспристрастно взглянуть в «Русскую беседу», найдет в ней много хорошего, особенно по специальным вопросам.] Вообще, кто захочет

Стр. 694, 6 строка. В рукописи: говорит не в шутку. [Извольте слушать]. Возможно ли читать без смеха

Фраза, заключенная нами в скобки, является карандашной поправкой И. И. Панаева.

После нее зачеркнута карандашная пометка Н. Г. Чернышевского: «Набирать боргесом из «Русской беседы» № 11 Смесь, стр. 91—93 от X до XX».

[Как вам это нравится?] Возможно ли читать без смеха

Стр. 694, 22 строка. В рукописи: публика стала бы хохотать над западниками? [«Русская беседа» отыскала г. Великосельцева; мы также мо<жем>] [Но западники этого не делают, — невежда не может] [их нельзя подкупить словами: цивилизация, западная образованность и т. д., если эти слова употребляются невежд<ами>]. [Они не так ослеплены, чтобы провозглашать своим союзником невежду, не имеющего ни о чем понятия, только за то, что этому невежде вздумалось играть словами: цивилизация, западная образован<ность>]

Стр. 694, 19 строка снизу. В рукописи: с большим уважением.

[Много раз мы выражали свое сочувствие к «Русскому вестнику»]

[В предыдущем месяце мы с сожалением упоминали о странном поступке редактора «Русского вестника», г. Каткова, который неосто<рожно> неблагодарно и несправедливо сделал желчную] [позволил себе, в увлечении какими-то непонятными в благородном человеке чувствами] [позволил себе сделать] [выразить недостойные предположения]

Читатели наши знают о поступке редактора «Русского вестника» относительно г. Тургенева.

Стр. 695, 1 строка снизу (вставка). В рукописи: которой подверг себя г. Катков. [Не одобряя неблагоприятного и несправедливого поступка г. Каткова, мы не забываем различия между поступком и человеком. «Не одобряя поступок, можно сохранять полное уважение к человеку, особенно если он сам готов сознать свою ошибку» (слова г. Каткова). Г. Катков сознал ее. Тем более не следует забывать различие между поступком редактора и достоинствами журнала,]...

После этих слов в рукописи карандашная пометка Н. Г. Чернышевского: «Конец».

Январь 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 2.)

Рукопись-автограф на 14 листах в четвертку, со множеством помарок. Сюда входят неопубликованные в «Современнике» рецензии на Майкова и Фета. Имеется корректура (гранки 7 — цензурская, от 1 до 2 марта, с пометой: «Печатать позволяется, 3 марта 1856. Цензор Лажечников». 2½ формы. Любопытно отметить, что некоторые изъятия цензора все-таки были восстановлены в «Современнике», повидимому, они были отвоеваны автором в личных объяснениях с цензором.

Окончание заметок («Об обязанностях старшего офицера на корабле») не вошло в полное собрание сочинений 1906 года, а в «Современнике» имеется.

Стр. 698, 18 строка. В рукописи: ведь Гамлет тоже лишний человек. [Зачем они] [Скажите, пожадуйста, как] [есть ли хотя малейшее сходство между Печоринным, Астаховым (в «Затишье»), Вязовнинным (в «Двух приятелях») и Рудинным? — сходство, по мнению г. Дудышкина, заключается в том, что все они «лишние люди». Но ведь это чистая натяжка. Похож ли на Печорина Астахов, который служит типом] [Да и почему <у>]. Каким же образом явилась эта натяжка? [Очень просто.] Г. Дудышкин предполагает.

Стр. 698, 24 строка. В рукописи: односторонняя теория! [Разве Астахов (в «Затишье») идеал? — Каждый, кто только читал эту повесть, знает, что это лицо беспощадно] [осмеивается] [бичуется г. Тургеневым] [автором, [который] [как тип дурных, развращен<ных>] [бездушных людей, прикрывающих татарские правила свои, взявших от цивилизации все д<урное>]; [разве Рудин — идеал? Опять-таки, вовсе нет! [прикрывающих свою пошлость лоском европейских приличий? Разве Рудин — идеал? — опять-таки] [Вздумалось г. Дудышкину] [Он] [Г. Дудышкин]. Но какое же сходство между Пасынковым и Вязовнинным

Стр. 698, 27 строка. В рукописи: Ничего подобного и не бывало. [Пасынков — человек роб<кий>] [Если у г. Тургенева есть лица, изображаемые им, как идеалы человеческо<го>] [Г. Дудышкин все смешал, все спутал в одну общую характеристику и] [Мы не беремся шаг за шагом] И какое же сходство.

Стр. 699, 4 строка. В рукописи: энергической деятельности, — но [он эгоист] [обстоятельства его развития были таковы, что он сделался эгоистом. Он понимает, что при других обстоятельствах из него мог бы выйти человек] он заботится только лично о самом себе.

Стр. 700, 3 строка. В рукописи: люди совершенно различных типов. [Нам остается только удивляться, почему г. Дудышкин не начал с Хоря, Калиныча и]

[И отчего произошла эта удивительная ошибка? Просто оттого, что г. Дудышкин начитался фраз о необходимости примирения идеала с действительностью и о необходимости «трудиться», «обрабатывать родную почву».]

[Каким образом умный и часто пронизательный критик]

Каким образом произошла эта странная ошибка

Стр. 700, 17 строка. В рукописи: вашу невестою; [если вы женаты, то

старайтесь таким же образом женить ваших приятелей и воспитывайте в таких ж правилах ваших детей] иначе тетка

Стр. 701, 4 строка. В рукописи: на основании не понятой им мысли.

[Но несмотря на запутанность понятий, произведенную этим странным взглядом на «гармонию с обстановкою», г. Дудышкин не может, однакоже, не повторить вслед за другими —

Трудиться надобно!

[Несмотря на эту страшную запутанность взгляда и односторонность системы, г. Дудышкин, как человек] [не мог] [понимает, что талант г. Тургенева]

[Вы, быть может, полагаете, что мы утрировали странность системы «труда» и «гармонии», на основании которой г. Дудышкин судит о развитии нашей литературы?]

[Но, оставив эту неудачную систему в стороне, мы найдем в статье г. Дудышкина несколько понятий]

[Вообще, статья г. Дудышкина о Тургеневе производит странное впечатление — система, им созданная]

Достигнув открытия.

Стр. 701, 15 строка. В рукописи: выражением понятий самого автора.

[При небольшом желании видеть дело в истинном свете, он мог бы, кажется, заметить, что воззрение автора не всегда]. [Эта ошибка очень].

Если не объяснять эту ошибку

Стр. 701, 9 строка снизу. В рукописи: Великое дело общественное мнение! [— Иному, например, хотелось бы сказать, что Гоголь плохой писатель, что погубил] [что повел русскую литературу по фальшивой дороге, что г. Щедрин] [мы говорим здесь не о г. Дудышкине — он не менее нас восстал] [возмутился бы] [он этого не захочет] [думает]

Мы не заговорили бы вовсе о январской книжке

Стр. 702, 13 строка снизу. В рукописи: во всех его исследованиях;

— *Из стихотворений внимание читателей, конечно, будет обращено на «Вихорь», отрывок из новой поэмы г. Майкова, которой он дает название «Страшный суд», и поэму г. Фета «Две липки». О содержании и достоинствах мы не можем судить по напечатанному теперь отрывку, составляющему 2-ю главу поэмы, — этот отрывок заключает в себе действительно только картину страшного вихря, который увлекает все в своем порыве и не дает еще понятия о плане целого. Видим только, что поэма написана в манере Данта, терцинами, даже с обозначением нумерации стихов, и вообще должна быть проникнута дантовским направлением:*

1. Полн черных дум, я в поле проходил,
И вдруг среди истома и тревоги,
Неистовым достигнут вихрем был

* * *

4. Среди тучи пыли, поднятой с дороги,
Древесные кружились листья,
Неслись стопы, разметанные стоги,

* * *

7. Деревьев ветви, целые кусты,
Стада, бляя и головы понурия,
Помчались; рев и вой средь темноты

* * *

10. Такой поднялся, что глаза зажмура,
Я побежал, и думал, что разбить
Иль вымести хотела землю буря

и. т. д.

Поэма г. Фета написана октавами, вроде «Домика в Коломне» Пушкина или, если угодно, «Сказки для детей» Лермонтова. Мы откровенно выскажем г. Фету, что нам кажется — поэмы в подобном роде кажутся нам чуждыми собственной сфере его прекрасного лирического таланта. Быть Фетом гораздо лучше, нежели быть подражателем Пушкина или Лермонтова. Наташа, восемнадцатилетняя девушка, влюбилась в сорокапятилетнего Русова, кото- рый

Служил в гусарах, ротмистра дождался,
Женился по любви [на Наташе] лет в сорок пять
И всей душой к хозяйству привязался:
Стал горы рыть, пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся,
Всем уяснил значение капусты,
У самого ж карманы стали пусты.

Каким образом восемнадцатилетняя девушка могла влюбиться в пожилого человека, объясняющего соседям значение капусты, г. Фет не объясняет нам. Мало-помалу Наташа стала скучать все сильнее и сильнее и наконец зачахла от тоски — развязка очень натуральна, но завязка кажется нам неправдоподобной. [; нет. Вот еще отрывок. Наташа больна; под окном ее растет липа: [набирать из Отец[ественных] зап[исок] стр.] [Форма поэм, которым вздумал подражать г. Фет, требует шутливости, но шутка редко удается г. Фету].

Мы не могли не хохотать от души,

Стр. 702, 6 строка снизу. В рукописи: живых карикатур. По нашему мнению, все роды хороши, кроме скучного, и веселый, легкий шарж, написанный с талантом [гораздо лучше всяких повестей с претензиями на психологию, на рефлексию, на картинность описаний природы, — этих повестей] занимает в искусстве не последнее место. Ведь «Записки Пиквикского клуба» также отчасти шарж, а между тем это едва ли не лучший роман из всех написанных в нашем столетии. Промотавшиеся Фуфлыгини

Февраль 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 3.)

Автограф на 11 листах в четвертку, со множеством помарок.

После слов: «журнал исторический» (стр. 717, 4 строка снизу), карандашная помета Чернышевского: «Конец будет прислан [в 10] [9 часов завтра] утром в среду в 9 часов».

Над словами: «Люди еще не старые, пережили на своем веку» (стр. 717, 3 строка снизу) помета Чернышевского: «Конец заметок».

После слов «Грачихи в это время нет в избе», зачеркнутых в рукописи, следуют карандашные пометы Чернышевского, также зачеркнутые: 1) «Набирать из «Библиотеки» боргесом, стр. 250—255» и 2) «Конец».

Стр. 711, 10 строка снизу. В рукописи: нежели речь о таксах.

[«Гарун-аль Рашид установил было таксу, да вышло хуже», — продолжают жители Багдадской области. — «Значит, он не умел взяться за дело, как следует, потому что благоразумными мерами можно остановить возвышение цен. Но это вопрос трудный, оставим его до]

«Мы очень бедствовали,

Стр. 722, 16 строка снизу. В рукописи: в языке и в понятиях! Из последних повестей г. Писемского немногие были совершенно удачны; по общему мнению, первые его произведения — «Тюфяк», «Мари Ступицына», «Питершик» до сих пор оставались лучшими его произведениями. «Старая барыня» решительно не ниже этих произведений [а по выдержанности и силе колорита и по достоинству концепции, быть может, выше их]

Мы решительно не знаем, какое бы место взять из повести г. Писемского, потому что достоинство рассказа выдержано везде одинаково хорошо;

берем почти наудачу рассказ о сватовстве, предпочитая этот пример хотя потому, что здесь поочередно речь переходит ко всем трем рассказывающим лицам.

[— Как же узнала ваша барыня, что этот бедный офицер, Федор Гаврилыч, любит вашу барышню? — спрашивает автор (Грачихи в это время нет в избе)].

Март 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 4.)

Рукопись-автограф на 16 листах в полулист. Кончается разбором «Пояркова», после чего карандашные пометы Чернышевского: «После этого поместить то, что было послано о педагогических журналах». «Конец заметок». «Конец библиографии будет прислан во вторник поутру». Один из листов рукописи заключает в себе на обороте содержание, вошедшее в «Заметки о журналах» следующей книги «Современника».

Стр. 725, 28 строка. В рукописи: будто они враждебны [к тому, что есть хорошего в Западной Европе] европейскому просвещению.

Стр. 728, 9 строка. В рукописи: русскому характеру, так что, по странной иронии случая, эти люди, считающие свой образ мыслей по преимуществу русским, отличаются от огромного большинства русских именно такими воззрениями, которые скорее приходятся по душе немцу, французу, испанцу, нежели русскому. Ни заоблачные мечтания,

Стр. 728, 16 строка. В «Современнике»: соединенные с некоторыми твердыми убеждениями славянофилов, о чем постараемся мы поговорить в следующем месяце. Однакоже вместо общих размышлений о славянофильстве

Стр. 729, 4 строка. В рукописи: явилось множество людей, не имеющих недвижимой собственности, [она сосредоточилась в руках немногих, de facto по] — таким образом возникло пролетариатство. [Люди, обрабатывающие мелкие участки земли или по найму (как в Англии), или по праву собственности (как во Франции), должны ограничиваться употреблением только] Владельцы мелких участков

Стр. 731, 5 строка снизу. В рукописи: представляемых его источниками, не считая нужным объяснять внутренних причин рассказываемого события, характер которого остается темным и после его подробного рассказа. Но пусть другие исследователи занимаются объяснением фактов — Попов избрал себе цель скромную, но полезную

Стр. 735, 20 строка снизу. В рукописи: держался мнений западного писателя аббата Миллота [о Карле Квинте]? Точно так же не принесло бы особенной пользы и славянофильскому журналу помещение [статей русского мыслителя и романиста Федота Кузмичова, немногим отличающихся от «Энхиридиона» г. Алюб] «Лимонаря»

Апрель 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 5.)

Рукопись-автограф на 18 листах, из которых 15 писано на четвертушках, а 3 — на пистчих листах, размером в полулист. В рукописи имеются наклейки текста из корректур, зачеркнутые черными чернилами и представляющие, повидимому, вырезки из цензорской корректуры, не допущенные сначала к печати, а затем дополненные новыми комментариями автора, вероятно, после обсуждения статьи с цензором. Однако и после этих комментарий статья не прошла целиком: и в рукописи, и в корректурных вырезках остался ряд мест, не опубликованных до сих пор. Кроме основной рукописи, имеются два листа первоначальной редакции статьи, которые в «Современник» не вошли и до сих пор были неизвестны. Помещаем их в приложении к основному тексту настоящего тома.

Стр. 737, 11 строка. В рукописи: как своею верностью и полезностью, так и легкой возможностью исполнения при общем сочувствии.

В прошедшем месяце

Стр. 738, 21 строка. В «Современнике»: на одном стремлении, которое, появившись на западе, до сих пор остается там теориею; между тем искони существует у нас в сельском быте порядок, к которому ведет оно, и благовременное усвоение здравого понятия о нем с одной лучшей его стороны (общинного пользования крестьянами землею) составляет для нас дело великой важности. Во Франции вопрос о новом экономическом устройстве прошел уже несколько кризисов, кто хочет убедиться

Стр. 738, 14 строка снизу. В рукописи: еще более тяжелы страдания [муки рождения нового младенца еще только начались]. От нашей предсудительности.

В «Современнике»: еще более тяжелые страдания. Отечество наше в стороне благодаря нашим коренным экономическим началам, сохранение которых необходимо для ограждения нашего национального благосостояния от этих испытаний.

Стр. 740, 14 строка. В рукописи: Подле понятия о безграничных юридических правах

Стр. 740, 15 строка. В «Современнике»: возникла идея о союзном пользовании и производстве между людьми.

Стр. 740, 19 строка снизу.

Это новое стремление к союзному пользованию и производству является продолжением.

Стр. 741, 1 строка. В «Современнике»: Но введение лучшего порядка дел чрезвычайно затруднено

Стр. 741, 18 строка. В «Современнике»: его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселянина.

У французского поселянина одно стремление

Стр. 746, 8 строка. В рукописи: Всякая новизна так обольстительна [особенно если прикрывается именем свободы]. Так и предоставление земли

Стр. 746, 17 строка. В «Современнике»: Так до сих пор большинство экономистов привыкло повторять слова

Стр. 746, 22 строка. В рукописи: «свобода употребления капиталов» и. т. д., и т. д. [«laisser faire, laisser passer»]. Давно уже открыто, что этот лозунг недостаточен

Стр. 746, 10 строка снизу. В «Современнике»: какие выгоды обещает оно, мы обратим

Стр. 746, 5 строка снизу. В «Современнике»: говорить о достоинстве которой мы уж имели случай. Одним из препятствий успешному развитию сельского хозяйства автор считает «общественное пользование землями».

Стр. 748, 13 строка снизу. В рукописи: участков для дач.

Во-первых, они дали бы за эту землю 1 000 000 франков, — а на эти деньги можно было бы продолжить великолепную улицу Риволи; во-вторых, каждая из пяти дач платила бы городу по 5 000 франков, — а на 25 000 франков можно было бы ежегодно задавать липний великолепный обед в Hôtel de Ville, то в честь Пелиссье, возвращающегося из Крыма, то в честь г. Персиньи, возвращающегося из Лондона. Проклятый закон,

Стр. 755, 2 строка снизу. В рукописи: вопрос не сельскохозяйственный, а нравственно-исторический. [Кто хотя сколько-нибудь знаком с Англиею, тот знает, чем воспитывается практическая предприимчивость англичанина, его самоуверенность и гордость, его] История и нравственные науки

Стр. 757, 11 строка снизу. В рукописи: и железных дорог) [и известную густоту населения (около 2 000 душ жителей на квадратную милю удобной для земл), общинное пользование землею представляется

Стр. 757, 6 строка снизу. В рукописи: 4) Россия скоро вступит в него. [5. Потому невыгодно для государства и разорительно для огромного большинства земледельческого населения было бы разрушать общинное пользование землею, господствующее ныне в России].

5. Даже и в предшествующее время

Стр. 758, 3 строка снизу. В рукописи: менее выгодным, нежели наступательное. [Но если бы людям, несогласным с нами в убеждениях, выгоднее показалось защищать, нежели нападать, мы готовы перейти по первому их желанию в наступательное положение]. Мало того: мы так убеждены

Стр. 759, 18 строка. В рукописи: думают гораздо основательнее, нежели большая часть людей, готовых подсмеиваться над мелочными промахами и мелкими пристрастиями

Стр. 759, 21 строка. В рукописи: несмотря на различные придирки и отчасти оскорбления, которыми угодно чтить нас славянофилам, продолжаем с любовью смотреть на деятельность этой партии; почему мы, несмотря на частые промахи

Стр. 759, 18 строка снизу. В рукописи: имеют над многими, можно сказать над большинством тех людей

Стр. 760, 3 строка. В рукописи: Важность распространения здравых понятий об этом вопросе у нас в настоящее время, когда нам приходится выбирать между уничтожением или сохранением господствующего у нас общинного пользования землею, чрезвычайно велика.

Стр. 760, 19 строка. В рукописи: увлечения юридическими правами

Стр. 761, 4 строка. В рукописи: которая как будто бы боится назвать себя органом славянофилов, хотя каждому с первого взгляда видно, что она действительно есть орган славянофилов

Май 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 6.)

Рукопись на 8 листах в полулист. Заглавие и первые 15 строк рукописи писаны рукою Чернышевского, остальная рукопись до конца — посторонней неизвестной рукою. Этою же рукою написана часть рукописи «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России, А. Шипова», в остальном являющейся автографом Чернышевского. На листе 8 пометка Чернышевского для типографии: «Конец заметок. Эти заметки необходимо послать к цензору пораньше, он может быть вздумает представить их в ценсурный комитет. Н. Чернышевский».

Стр. 762, 1 строка. В рукописи: никто из читателей. Конечно, никому не пришло в голову ставить в заслугу его противникам именно то, что они обнаружали грубое невежество, именно личности г. Бланка. Все были заняты

Стр. 763, 13 строка. В рукописи: время, потраченное на ниввержение мнимой учености г. И. Крылова людьми, как видно

Стр. 767, 18 строка. В рукописи: не читали ни «Библиотеки для чтения», ни «Сына отечества», ни даже «Молвы» (нынешней), которая скорее всего напоминает о тех временах, да и читать-то вовсе не умели.

Стр. 772, 25 строка. В рукописи: о коннозаводстве и охоте.

Если же я предположу, что журнал этот читается не исключительно такими людьми, которые и без него уже и до него уже принадлежали к числу коннозаводчиков и охотников, или если я предположу, что существование этого журнала повело бы за собою исчезновение коннозаводчиков, охотников, гончих собак, зайцев и лошадей, то я докажу, что во мне здравого смысла гораздо меньше, нежели в самой глупой из тех лошадей, изображения которых прилагаются к журналу коннозаводства и охоты. «Литература рассуждает:

Стр. 772, 14 строка снизу. В рукописи: по четыре ноги? Рассуждает ли «Журнал коннозаводства и охоты» о том, что собака преследует зайца, а не зайца собаку, или о том, что в карету запрягаются лошади, а не зайцы? В этих вопросах

Стр. 773, 14 строка. В рукописи: это значит самому быть идиотом

и желать, чтобы все наши сограждане были идиотами. Если же мы допустим,

Стр. 776, 15 строка. В рукописи: хотя она гораздо хитрее не только честного осла, но и всех честных людей, как бы умны они ни были. К сожалению, хитрый и злой идиот точно так же не [может быть выпущен из сумасшедшего дома] способен к рассудительным поступкам

Июнь 1857

(Первоначально: «Современник» 1857, № 7.)

Рукопись на 16 листах, из которых 7 — размером в полулист, 7 — в четвертку и 2 — почтовой бумаги. За исключением первых семи листов, написанных постороннею рукою, рукопись является автографом. Не вся рукопись сохранилась, в ней отсутствуют следующие места: 1) начиная со слов: «в три рубля» (стр. 788, 3 строка снизу), и кончая словами: «прекратить в них» (стр. 793, 16 строка); 2) начиная со слов: «В журнале министерства» (стр. 801, 1 строка), и до конца статьи.

Стр. 796, 16 строка. В рукописи: он [вообразил (совершенно неизвестно, на каком основании), будто бы английским учреждениям угрожает какая-то внутренняя опасность] доказывает, что

Стр. 800, 3 строка снизу. В рукописи: компромиссов [Конечно, к этому надобно прибавить, что общественные компромиссы должны быть производимы совершенно добровольно с обеих сторон, — если же дело решается представителями одной, одна из двух сторон будет обижена, — так, например, они совершенно добровольно произведены были между вигами (защитниками свободной торговли) и тори (протекционистами)] между тяжущимися

Стр. 800, 1 строка снизу. В рукописи: вознаграждению.

Давно мы не говорили о стихах — это потому, что давно мы не встречали в наших журналах таких стихотворений, которые заслуживали бы особенного одобрения своими художественными достоинствами. Теперь мы должны указать читателям на прекрасные пьесы, помещенные г. Тютчевым во 2-й книге «Русской беседы», из которых приводим первую:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозь и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.*

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.*

СОВРЕМЕННЫЕ ОБОЗРЕНИЯ

Современное обозрение

(Первоначально: «Современник» 1857, № 9.)

Рукопись на 20 листах, из них 9 — в четвертку, а 11 — размером в полулист. Первые писаны рукою Чернышевского, вторые — посторонним лицом, с вставками и поправками Чернышевского. В рукописи заглавие: «Заметки», и к нему дано примечание рукою Чернышевского: «Ни о жур-

налах, ни август 1857 прибавлять не нужно. Просто: Заметки». Выписки чужих текстов, приводимых в статье, отсутствуют в рукописи, они заменены указаниями о наборе отмеченных в соответствующих текстах мест.

Стр. 814, 5 строка снизу. В рукописи: 521, 987, 810.

[В государственном заемном банке оборот суммы сравнительно с предыдущим годом был следующий.

	Состояло к 1 января	
	1856 года	1857 года
Капитал	12 842 364	— 14 808 389
Получено прибыли	3 407 334	— 4 654 195

Государственный коммерческий банк.

Стр. 815, 9 строка. В рукописи: 689, 279, 844.

Стр. 815, 19 строка. В рукописи: К 1 января 1856 г. 1857 г.

[Вклады	806 083 233	— 1 009 639 068
Ссуду	893 132 960]	— 1]
Вклады	924 681 639	

Стр. 821, 21 строка. В рукописи: четыре года

[В этом отношении очень замечательна, как и во всех других, история козацких войн при Богдане Хмельницком, написанная г. Костомаровым и заключающаяся главами, напечатанными в августовской книжке «Отечественных записок». Когда явились первые главы этого мастерского по изложению и исполненного ученых достоинств рассказа, мы отдали справедливость таланту и проницательности исторического взгляда автора; через несколько времени мы надеемся представить статью, в которой сравним взгляд г. Костомарова на козацкие войны с мнениями нынешних польских историков о тех же событиях. Теперь же обратим внимание читателя на один факт, очень ярко выступающий из беспристрастного, совершенно объективного рассказа г. Костомарова]. Козацкие войны

Стр. 821, 3 строка снизу. В рукописи: населения Южной Руси. [Преимущественно для достижения этой цели полезна казалась польским панам уния; если бы не эта цель, не нужно было бы им и враждовать против южнорусской национальности].

Если б не это стремление

Стр. 822, 7 строка снизу. В рукописи: до осуждения [всех без исключения сословий французских горожан, которые вовсе не имели] всех приципов

Стр. 823, 19 строка. В рукописи: нежели Токвиль [, этот человек златой середины, который ничего на свете не чуждается так], который из нелюбви

Стр. 823, 8 строка снизу. В рукописи: искажениях фактов. [Вот например, все мы убеждены в том, что мир есть вещь очень хорошая,— никто из нас не станет из <за> этого чернить Густава Адольфа, хотя он и был воин — притом же он будет сочувствовать всему хорошему]. Токвиль

Современное обозрение

(Первоначально: «Современник» 1857, № 10.)

Рукопись на 14 листах, из них 3 в полулист, остальные — в четвертку. На трех листах — выписки, сделанные посторонней рукою, остальное — автограф.

Отрывки чужих текстов отсутствуют в рукописи. Они заменены соответствующими указаниями к типографии о наборе отмеченных печатных отрывков и выписок.

Стр. 839, 12 строка. В рукописи: мерам. [Наказать легче, нежели убедить]. Очевидно

Стр. 842, 2 строка. В рукописи: состояние [итальянских поселян] индийских париев

Стр. 842, 6 строка. В рукописи: что им [уж не до образования] очень трудно

Стр. 842, 23 строка. В рукописи: деликатности. [Существо, подверженное оскорблениям, не есть существо неприкосновенное]. Почему

Стр. 843, 4 строка. В рукописи: ученики [зимой ночуют в чуланах, не имеющих] ведут самую ужасную жизнь, [жизнь, в сравнении с которою кагорга] — холодают

Стр. 846, 17 строка. В рукописи: напрасными.

[Вот например, какая нелепая и гибельная для тысяч игра ведется в Париже акциями].

Заговорив

Современное обозрение

(Первоначально: «Современник» 1857, № 11; неизданный отрывок — «Звенья» № 3-4, М. 1934.)

Рукопись-автограф на 8 листах, из них 6 — крупного почтового формата, а 2 — в четвертку. Рукопись сохранилась не целиком, она отсутствует со слов: «Да и в самом деле, с чего взяли эти филантропы» (стр. 858, 11 строка), до слов: «выходит и некоторая забота» (стр. 861, 15 строка). Кроме того, в ней отсутствует выписка из газеты «Кавказ».

Корректурa — 1 лист, авторская, с авторской правкой и с отрывками текста, зачеркнутыми по явно цензурным соображениям, очевидно эти изъятия перенесены с цензурской корректуры. Корректурa не полностью обнимает статью, она помечена цифрой 2 от 4 ноября, текст ее начинается со слов: «поддерживается слабость» (стр. 854, 13 строка снизу), и кончается словами: «объем нашего пароходства опять ра...» (стр. 861, 25 строка).

Стр. 857, 24 строка. В рукописи: помилованы будете».

Некоторым людям, более расположенным к филантропии, нежели к пониманию последствий, необходимо вытекающих из данного положения, это мнение г. П. Давыдова может казаться не гуманным. Но в том нет сомнения, что оно очень практично, и мы видим в нем даже всю ту дозу гуманности, которая допускается суровою обстановкою действительности. Мнение г. П. Давыдова очень практично

Стр. 861, 2 строка снизу. В рукописи: в Костроме.

[С особенным чувством радости каждый из образованных людей услышал о том, что мы наконец об]

Долго не умели

Стр. 862, 22 строка. В рукописи: долге нашем [к памяти одного из друзей Грановского, — критика, оказавшего не менее услуг нашему просвещению] к другим

Современное обозрение

(Первоначально: «Современник» 1857, № 12.)

Рукопись-автограф на 16 листах разного формата (8 — крупного почтового размера, 4 — обычного почтового, 2 — в полулист, 2 — в четвертку). Рукопись не сохранилась полностью, в ней отсутствуют следующие места: 1) начиная от слов: «Английский литературный мир» (стр. 868, 12 строка), до слов: «люди, о которых» (стр. 871, 15 строка снизу); 2) начиная от слов: «будет говорить история» (стр. 881, 5 строка снизу); до конца.

Стр. 862, 6 строка снизу. В рукописи: иметь; [уж эти одни черты, — определенность стремлений, редкая добросовестность] с тем

Стр. 865, 22 строка снизу: Н. М. Щепкина и Комп. Известно, в какой тесной связи с правильностью и добросовестностью книжной торговли находится развитие литературы и даже национального просвещения; известно

также, хорошо ли соответствует положение русской книжной торговли потребностям дела, служительницею которого она должна быть. Между нашими книгопродавцами найдется довольно [людей честных], желающих вести свою торговлю правильным образом, найдется несколько людей предприимчивых, есть даже несколько человек, имеющих достаточные капиталы. Но обыкновенно бывало до сих пор, что фирма, удовлетворяющая одному из этих необходимых условий, лишена другого. Надобно упомянуть еще об одном условии, самом важном: истинный книгопродавец должен быть человеком очень образованным; ему необходимо иметь такую степень умственного развития, чтобы в состоянии быть самому верно оценивать литературные достоинства книги; без того он или попадает в сети спекулянтов, пользующихся его слепым доверием, или принужден перебиваться изданиями [книжек вроде «Гайны женского»] [«Руководство и атака женских сердец»] серобумажных изделий, которых стыдится литература, но которые приносят верный барыш при посредстве толкучего рынка. До сих пор мы не имели фирмы, которая удовлетворяла бы всем этим условиям: у одного недостает предприимчивости, у другого капиталов, третий никак не может принять мысли, что торговля, достойная этого имени, основывается не на проделках, которые свойственны мелким барышникам, а на строгой добросовестности; наконец, почти ни у кого нет той образованности, которая необходима книгопродавцу по европейским понятиям. Каковы следствия этого, известно каждому, внимавшему в дело. Приведем немногие примеры. В Москве издается Кольцов по 50 коп. сер.<ебром>; цель издателей — сделать стихотворения народного поэта доступными массе. Что ж делается? Книга эта, которая должна продаваться по 50 коп., продается по 75 коп., даже по 1 рублю. — Как это случилось? Неизвестно, известно только, что этому никак не следовало быть. Пресловутый г. Ващенко-Захарченко сочиняет «Окончание Мертвых душ». Находятся книгопродавцы, которые воображают, что эта книга написана Гоголем, и поступают сообразно такому предположению. Г. Ващенко-Захарченко или кто другой (мы не имели случая узнать, кто именно воспользовался выгодою от такого превосходного замысла <то>го изобретения) Издатель находит средство сбывать свою книгу по 4 р. сер. за экземпляр. — В Москве выходит дельная книга, — в Петербурге вы не скоро отыщете ее в магазинах, и наоборот; за то вздорных книжонок можете найти и в Москве и в Петербурге сколько вам угодно, хотя бы они были изданы в Камчатке. Поверит ли какой-нибудь немецкий или английский книгопродавец, что мы в Петербурге и в Москве часто по целому году, по два года не можем дожидаться появления в наших книжных магазинах одесского или киевского издания. Что о многих дельных книгах, выходящих в провинциях, мы можем знать только по слухам, если не выпишем прямо от издателя нужный нам экземпляр? что как скоро за книгоу устанавливается репутация дельной, цена ее поднимается вдвое и втрое, хотя бы издание оставалось еще наполовину нераспроданным? Наконец даже первоначальная цена книги, если только это зависит от некоторых книгопродавцев, определяется по соображениям очень странным. На днях вышел VII том Пушкина; издатель назначил ему цену в 1 р. сер.; что ж? — Некоторые книгопродавцы были этим недовольны: по их мнению, следовало назначить по крайней мере 1 р. 50 коп. сер. Но этим уменьшилось бы требование на книгу? — а им какое до того дело? Они знают только, что чем выше цена книги, тем большую уступку могут получить они от издателя, и находят, что продать 50 экземпляров с выгодою по 30 коп. от экземпляра для них выгоднее, нежели продать 300 экземпляров с выгодою по 10 коп. от экземпляра. Такого расчета не принимает правильная торговля, — но в том и дело, что они действуют по расчетам, не допускающим правильной торговли. Результаты подобного положения дел столько же вредны для развития книжной торговли, как и для публики. Высокая цена книг не дает расширяться требованию на них и удерживает книжную торговлю в узких, часто жалких размерах. Таков действительно характер ее у нас. — За очень немногими исключениями, она ведется на основаниях и в

размерах торговли мелочных лавочек, в видах затраты рубля не иначе, как с уверенностью получить на него рубль выгоды через две-три недели. Это, как мы сказали, следствие недостаточности капиталов и еще чувствительнейшей недостаточности знания.

Очевидно, какую полезную для публики и для успехов просвещения перемену могло бы произвести принятие нашею книжною торговлею характера, приличного делу, ведущемуся на широких и правильных коммерческих основаниях. Такова именно цель, с которою основывается книжный магазин Н. М. Щепкиным, сыном нашего знаменитого артиста и товарищем г. Солдатенкова по изданиям, заслужившим такое одобрение публики и прекрасным выбором издаваемых книг и умеренностью цены. Прежде всего надобно сказать, что основатели новой фирмы — люди, по своему образованию принадлежащие к лучшему кругу нашего общества, в котором пользуются заслуженным уважением; с тем вместе, это люди, имеющие доходы, совершенно независимые от нового своего предприятия, на которое они обращают часть своих капиталов вовсе не из надобности или желания искать особенной прибыльности в нем лично для себя, а по убеждению, что это дело нужное для облегчения успехов нашей литературы и просвещения. Надобно прибавить, что капиталы, которыми располагает новая фирма, таковы, что размер предприятия ограничивается только пределами потребности: чем шире понадобится сделать размер предприятия, тем приятнее для его основателей. Теперь ясна для читателей цель, с которою основывается книжный магазин Н. М. Щепкина и К^о. Это будет на благородных принципах широкого коммерческого предприятия, учреждающегося для того, чтобы дать правильность нашей книжной торговле, удешевить цену хороших книг, облегчить их издание, содействовать их распространению. От предприятия г. Щепкина и К^о надобно ожидать многого хорошего для публики.

Кстати о материальных отношениях

Стр. 876, 22 строка. В рукописи: споре, ипохондрики действуют совершенно в разлад с своими мнениями. Слова эти

СМЕРТЬ КАВЕНЬЯКА

Первоначально опубликовано в «Современнике» 1857, кн. II, стр. 125 (отдел «Заграничные известия»). В полное собрание сочинений (СПб. 1906 г.) не вошло. Сверено с рукописью-автографом. Рукопись занимает один листок в четвертку. Вместо заглавия на ней пометы автора, обращенные к типографии: «К Иностранным известиям» и «в конце». Заглавие взято нами из оглавления «Современника».

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Записки об ужении рыбы, С. Аксакова. — Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакою Н. Основского.

Эта рецензия была напечатана в № 2 «Современника» за 1857 г. и включена М. Н. Чернышевским в его издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского 1906 года (т. III). Однако принадлежность этой рецензии Н. Г. Чернышевскому твердо не установлена. Ни в одном из списков его сочинений она не указана.